

ЕКАТЕРИНА
БОРИСОВА

АННА
ДРЭЙК

ЛЕЧЕБНИЦА.
ДЛЯ ПОПАДАНКИ
ПРОКЛЯТИЕ ПРИЛАГАЕТСЯ

**Анна Дрэйк
Екатерина Борисова
Лечебница для попаданки.
Проклятие прилагается**

<https://litres.ru/74276993>

Аннотация

Хотела похвастаться свадебным платьем перед женихом, но застала его с другой в нашей кровати. В состоянии шока сажусь за руль, нажимаю на газ и...оказываюсь в другом мире.

Тело другое, но судьба та же.

Я оказалась в теле девушки, которую предал жених. Её отец из-за обмана вложил все деньги в старую ветхую лечебницу и, увидев в каком она состоянии, слёг с приступом.

Но мне отступать некуда – приведу её в порядок и покажу, что больше себя в обиду не дам.

И неважно, что её считают проклятой, а к нам повадился ходить новый хозяин этих земель, которого считают темным магом.

Разберусь и с ним тоже.

Книга участвует в литмобе "Порядок против проклятия"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Визуализация	17
Глава 3	18
Визуализация	24
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7. Элиас Стрэйд	46
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	78
Глава 13	83
Глава 14	90
Глава 15	96
Глава 16	106
Глава 17	114
Глава 18	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Глава 1

- Я купила платье, белое и похожее на огромную зефирку! — смеюсь и практически кричу в трубку, пока перебегаю дорогу, чтобы запрыгнуть в свою машину. - А ещё диадему и длинную фату, как в американских фильмах!

Настроение бьёт через край, а солнечное утро добавляет мне счастья.

Яркая солнечная зелень вокруг, цветы на клумбах, пенье птиц и солнечные блики на моих солнцезащитных очках — всё прекрасно!

- Я знаю, что мы хотели более скромную церемонию, — не даю Игорю возможности вставить слово, — просто я увидела его и поняла, что оно должно быть моим!

- Отлично, — слишком сдержанно отвечает мне Игорь. Я бы даже сказала — отрешённо.

- Ты не рад? — осторожно укладываю платье в кофре на заднее сиденье машины.

- Рад, просто очень занят, — Игорь понижает голос, словно боится, что его кто-то услышит.

Хотя он уже полгода работает на удалёнке из собственной квартиры.

- Списался с потенциальным клиентом, на сегодня назначили созвон, — из трубки действительно раздаётся громкий звонок. Игорь прикрывает микрофон рукой. - Я перезвоню,

как освобожусь.

Я не придаю особенного значения ни странному поведению жениха, ни смутно знакомому звонку на заднем фоне.

Просто радуюсь весне, безумно красивому свадебному платью и скорой свадьбе.

Внутри всё дрожит и трепещет от мысли о скором торжестве, о том, как мы пойдём с Игорем под руку в огромной арке из цветов, где нас будет ждать работница ЗАГСа.

Включая поворотник, выруливаю с парковки и неожиданно понимаю, что если прямо сейчас не увижу Игоря, то просто умру от тоски.

И даже если у него созвон, я просто тихонько посижу на кухне, заварю крепкий кофе с перцем, как любит Игорь, и подожду его.

Решительно выворачиваю руль и перестраиваюсь.

До дома Игоря доезжаю всего за семь минут.

Паркуюсь во дворе и достаю из сумки ключи от его квартиры.

Мы ещё официально не съехались, но большую часть времени проводим именно здесь. Ключи Игорь вручил мне раньше кольца.

Сказал, что расписаться мы всегда успеем, сначала нужно проверить отношения.

Недолго раздумывая, я решаю взять с собой и платье.

Да, я знаю, что это плохая примета. Но на дворе двадцать первый век, и мы уже почти год живём вместе. Да и фо-

тографа для свадебных сборов мы заказали сюда. Так что Игорь всё равно увидит платье одним из первых. Так зачем тянуть?!

Тихо смеюсь от того, какой чудесный сюрприз я сейчас сделаю Игорю.

В голове даже мелькает совсем уж шальная мысль — тихонько переодеться в платье в ванной и войти в комнату к Игорю в полном облачении.

По губам расплзается счастливая улыбка.

Тихо открываю дверь квартиры, полная радостных ожиданий.

Но, услышав голоса, замираю в прихожей. Осторожно скидываю туфли, вешаю кофр с платьем на вешалку и прислушиваясь.

Сначала мне кажется, что это рабочий созвон, но чем больше я слышу, тем больше понимаю, что ничего подобного.

Это не просто разговор — это нежные, полные страсти слова, которые торопливо шепчет Игорь.

Внутри всё замирает и переворачивается. К горлу подкапывает тошнотворный ком. Но я с усилием заталкиваю его обратно.

Спокойно, Аня, возможно ты что-то не так поняла!

Я на цыпочках подхожу к раскрытой двери в комнату и заглядываю внутрь.

В этот миг мой мир перестаёт существовать.

На огромной кровати, на новых шелковых простынях, которые я купила для первой брачной ночи, возятся любовники.

Их напряжённые, покрытые бисеринками пота тела сплетаются в мерзком танце предательства, лжи и грязного вождения.

— Игорь! — вырывается у меня, но он не услышит.

Он продолжает нависать над своей партнёршей и ритмично вдалбливаться в неё.

А я стою всего в нескольких шагах и чувствую, как мир вокруг рушится.

Слёзы катятся по щекам. Раненое сердце натужно и болезненно бьётся в груди.

Я больше не в силах выносить этого, разворачиваюсь и выбегаю из квартиры не оглядываясь.

Сажусь в машину и не могу успокоиться.

Мои руки дрожат, а сердце всё чаще колотится в груди.

Я забываю обо всём — о том, что оставила висеть в прихожей платье, о том, что бросила на тумбочке свои солнцезащитные очки, о том, что собиралась состариться с этим мужчиной.

Прямо сейчас я хочу оказаться от него как можно дальше!

Завожу двигатель и выезжаю на улицу.

По лобовому стеклу начинает барабанить неожиданно начавшийся дождь. Капли стучат по крыше, отбивая ритм похоронного марша по моей преданной любви.

Утапливаю педаль газа в пол, мчусь по дороге, не замечая, как с каждой минутой она становится всё более опасной.

Я всхлипываю и утираю тылом ладони слезы с лица.

Скотина! Предатель! Гори ты в...

Тишину салона авто разрывает громкий рингтон моего телефона.

Тянусь за смартфоном. Сквозь пелену слёз перед глазами я пытаюсь разглядеть, кто может мне звонить.

Внезапно машину заносит.

Цепляюсь за руль, пытаюсь вернуть машину на дорогу. Но уже слишком поздно.

Я отчаянно кричу, хотя сама не слышу своего крика.

Колёса моей ласточки потеряют сцепление с дорогой. Время растягивается и замедляется, превращаясь в вязкий кисель.

Машину бросает из стороны в сторону. А прямо на меня летит огромная фура, жутко сигналив и моргая фарами.

Всё вокруг превращается в хаос.

Закрываю от ужаса глаза, ожидая удара, всхлипываю и погружаюсь в темноту.

Полную боли предательства и отчаяния пустоту.

Прихожу в себя и долго прислушиваюсь к ощущениям.

Где я? Что со мной?

Я умерла?

Я в больнице?

Осторожно открываю глаза и вижу вокруг незнакомое помещение, погруженное в уютный полумрак.

Мягкий свет свечей освещает деревянную кровать с резным изголовьем, на которой я лежу. Вдоль стен расположились высокие книжные шкафы с десятками старинных фолиантов в кожаных переплётках, обитых железом и бронзой.

Тяжело вдыхаю наполненный сладковатым ароматом воздух, который, к удивлению, успокаивает.

Осторожно приподнимаюсь на локтях, сажусь и морщусь. Со лба спадает мокрая тряпица, пропитанная терпким пряным раствором.

Из полумрака ко мне подходит пожилой мужчина с добрыми глазами и тёплой улыбкой.

Его длинные белые волосы собраны в хвост, седые усы и борода аккуратно подстрижены, странные круглые очки сползли на кончик носа. Его пиджак остался висеть на добротном деревянном стуле. На нём осталась странного вида рубашка с закатанными до локтей рукавами.

- Всё хорошо, моя дорогая, — произносит он мягким голосом. - Кризис миновал. Теперь ты быстро пойдёшь на поправку.

Он тяжело опускается на стул рядом с кроватью, берёт мою дрожащую ладонь в руки и осторожно похлопывает.

Ничего не понимаю.

Сознание тут же прошивает страшная мысль о предательстве Игоря, и сердце сжимается от боли.

Но если я не на трассе и не в больнице, тогда где я?

И кто это?

Осматриваюсь, пока мужчина ищет пульс на моём запястье, и с ужасом понимаю, что не просто не узнаю это место. Здесь вообще нет знакомых и привычных мне вещей.

Под высокими сводами потолка не висит люстра. На тумбочке или столе нет телевизора. На стенах нет ни одной розетки или выключателя.

К тому же мужчина одет странно и эта мебель, глиняный кувшин и свечи...

К горлу подступает ком, а слёзы снова наворачиваются на глаза.

Взгляд напротив неожиданно наполняется пониманием.

- Всё будет хорошо, дочка! Мы сможем это пережить! Скоро мы уедем с тобой в новое чудесное место! Вот!

Он торопливо поднимается, идёт к столу и возвращается с дряхлой открыткой.

Подносит ближе свечу и читает.

“Лечебница графства Стрэйд. Расположена в живописном тихом уголке. Создана для восстановления сил и здоровья. Внимательный персонал...”

- Вот! — говорит он с гордостью. - Я собрал все деньги, что у нас остались, купил патент на занятия врачебной деятельностью в лечебнице графства Стрэйд и взял самую лечебницу в аренду на десять лет! Тебе там понравится, родная! Я обещаю! Ты сможешь восстановить там свои силы и забыть

обо всём!

Смотрю на него и неожиданно понимаю, что в моём сердце зажигается искорка надежды.

Сама не знаю почему. Я даже плохо понимаю, где вообще оказалась.

Но что-то внутри меня уверено в том, что этому человеку можно доверять.

А ещё кто знает? Вдруг это место — именно то, что мне сейчас нужно?

Бред?

Возможно!

Но ничего другого у меня сейчас просто нет!

Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как тёплый свет свечей окутывает меня, и откидываюсь на подушку.

На секунду позволяю себе поверить, что всё может измениться к лучшему.

Глава 2

Карета подпрыгивает на ухабе, и я цепляюсь за сиденье, чтобы не удариться головой. За окном мелькают бесконечные поля, редкие перелески, крыши одиноких ферм. Всё кажется чужим. Нереальным.

Как я здесь оказалась?

Мой... отец (я до сих пор не могу привыкнуть к этому слову) сидит напротив, перебирая документы. Его зовут Альберт фон Штраус, и он — земский врач. По крайней мере, так он представился, когда я, наконец, осмелилась спросить. Лицо его бледно, пальцы нервно перебирают бумаги.

С каждой верстой его настроение и уверенность в правильности своего решения тает, как дым.

— Скоро приедем, Аделина, — говорит он, но в голосе почему-то нет радости. Отец будто начинает что-то предчувствовать и нервничает с каждым мгновением всё сильнее.

Я молчу.

Карета останавливается. Отец первым выходит, но вместо того, чтобы помочь мне спуститься, застывает на месте. Его рука сжимает дверцу так, что костяшки белеют.

— Что-то не так? — осторожно спрашиваю я, выбираясь наружу.

Он не отвечает.

Я оборачиваюсь — и замираю.

Перед нами не лечебница.

Перед нами — призрак.

Двухэтажное деревянное здание, когда-то, должно быть, величественное, теперь стоит, покосившись, будто вот-вот рухнет от порыва ветра. Краска с фасада облезла, обнажив серые, вымытые дождём и потрескавшиеся доски.

Фасетчатые окна мутные, грязные и затянуты паутиной. Одна из ставней оторвана и болтается на единственной петле, скрипя, как предсмертный стон.

— Это... не может быть правдой... — шепчет отец.

Он шагает вперёд, словно в трансе. Я следую за ним, чувствуя, как под ногами хрустит заросший травой гравий.

Крыльцо прогибается под нашим весом. Отец достаёт ключ, но дверь распахивается сама — замок сломан.

Он толкает её — и мы входим.

Внутри нас встречает тьма.

Запах плесени, пыли и чего-то сладковато-горького — трав, настоек, которые когда-то здесь хранились.

Отец зажигает лампу.

Свет выхватывает из мрака пустые стеллажи, на которых, очевидно, когда-то стояли склянки, но теперь лишь несколько запylённых бутылок с истлевшими этикетками.

Простые некрашенные полы — половицы, которых прогнили, а в некоторых местах вообще зияют дыры. Холодный апрельский ветер гоняет по полу прошлогоднюю жухлую листву.

Почерневшие от времени стены хранят на себе лохмотья выцветших обоев.

Но самое страшное здесь — тишина.

Не та, что бывает в больницах — с шёпотом, шагами, звонком посуды.

А мёртвая.

Будто это место забыло, как дышать.

— Марта? Грета? — окликает отец, но в ответ — только эхо.

Его лицо искажается.

— Они... они обманули меня...

Он хватается за грудь, дыхание становится прерывистым.

— Отец?!

Он качается, и я успеваю подхватить его, прежде чем он рухнет на пол.

— Всё... всё пропало... — хрипит он. — Последние дни... всё, что у нас было...

Его пальцы впиваются в мой рукав.

— Я думал... это будет новым началом...

Я не знаю, что сказать.

Потому что он прав.

Это не лечебница.

Это развалина.

Я не знаю, что сказать, поэтому молча помогаю отцу добраться до кабинета — единственного помещения, где ещё есть мебель. Усаживаю его в скрипучее кресло, ищу воду.

— Здесь... должно быть... — он делает слабый жест в сторону шкафа.

Я открываю дверцу — и что-то шевелится внутри.

Я вскрикиваю, отпрыгиваю.

Из темноты высовывается... маленькая рука.

Бледная, почти прозрачная. Пальцы тонкие, как веточки.

— Кто... что... — я задыхаюсь.

Из шкафа вылезает существо.

Ростом с кошку. Тело — будто соткано из тумана, лишь слегка очерченное. Большие, слишком большие для такой головы, глаза. Они смотрят на меня — сонные, мутные.

— Э-эль... фискуль... — с трудом выговаривает отец.

Существо медленно, как будто сквозь воду, поворачивает голову к нему.

— Доктор... вернулся... — его голосок как шелест листьев.

Оно делает шаг — и спотыкается.

Будто забыло, как ходить.

— Где... остальные? — спрашивает отец.

Эльфискуль медленно качает головой.

— Спим... всё спим...

Оно тянет руку к полке, где стоит бутылка с мутной жидкостью.

— Лекарство... для доктора...

Я беру склянку, но она пуста.

Нет.

На дне — капля.

Одна.

Эльфискуль смотрит на неё, потом на меня.

— Лечебница... умирает...

И растворяется в воздухе, как дым.

Отец сидит, уставившись в стену.

— Они сказали... что здание в порядке. Что персонал на месте. Что...

Его голос ломается.

— Я вложил всё.

Я сжимаю пустую склянку.

— Что теперь? — меня пугает это место.

Он закрывает лицо руками.

— Я не знаю.

За окном воет ветер.

Но меня пугает нечто другое: внутри стен будто кто-то шепчет. То ли заклинание, то ли молитву. Слов я разобрать не могу, но по коже невольно пробегает мороз.

— Папа, — я поворачиваюсь к нему и кладу ладонь на плечо.
— Давай уедем отсюда. Нам здесь нечего делать.

Но отец Аделины лишь обречённо качает головой.

— Нам некуда ехать. Это и есть наш дом и, кажется..., — он закрывает лицо руками. — Всё пропало.

Визуализация

Дорогие читатели!

Сегодня мы с Анной Дрэйк начинаем для вас новый роман и предлагаем вам познакомиться с его героями

Альберт фон Штраус - "отец" нашей героини, врач и просто хороший человек

Наша Анна в теле девушки Аделины

Та самая лечебница в графстве Стрэйд, которую взял в аренду отец Аделины на целых десять лет

Дорогие читатели!

##Книга участвует в литмобе "Порядок против проклятия" ##

<https://litnet.com/shrt/gSDS>

Глава 3

- Ох, ты же, богиня-прародительница! А мы вас только утром ждали! — в дверном проёме показывается кругленькая невысокая женщина в простом холщовом платье и белом переднике.

Её русые волосы заплетены в тугую косу и уложены вокруг головы.

Она всплёскивает руками и строго говорит куда-то в темноту рядом с собой.

- Эль, буди всех! Вещи доктора и его дочери перенесите в их комнаты! И Грету! Позовите Грету!

Из-за её длинной юбки показывается острая мордочка того странного существа, что я несколько минут назад видела в шкафу.

- Уже, — не то свистит, не то шепчет оно, — мы уже.

Шепчет и исчезает.

- Из-за надвигающейся грозы мы даже не услышали, как вы приехали, — продолжает женщина. - Что же это я?

Она заходит в кабинет, торопливо вытирает перепачканные мукой руки о передник и протягивает мне ладонь.

- Я — Марта, экономка, — она улыбается мне так тепло и уютно, что я уже почти готова улыбнуться ей в ответ. - Идёмте, я вас провожу в жилую часть особняка. И постараюсь поскорее состряпать ужин.

Она помогает мне поднять отца.

Мы с двух сторон берём его под руки.

Марта в свободную руку берёт масляную лампу и освещает нам путь.

Ведёт она нас совсем не к выходу, наоборот, с каждым шагом мы приближаемся к чёрному, мёртвому сердцу старинного особняка.

Длинные, узкие коридоры становятся все уже и темнее. Стёкла на окнах становятся все грязнее или отсутствуют вообще.

По полу гуляет ветер и гоняет прошлогоднюю листву.

- У нас совсем нет денег на ремонт, — Марта словно извиняется. Хотя я не понимаю за что. Это же не её лечебница.

При нашем появлении огромные пауки на стенах неохотно расползаются, оставляя после себя пыльную паутину.

Это не лечебница — это рухлядь. Да и кого здесь лечить?

Чем дальше мы идём, тем чаще нам попадаются комнаты с выбитыми или рассохшимися дверьми, висящими на одной-единственной петле.

Внутри этих комнат грязно и всё завалено старой, ни к чему не пригодной рухлядью.

- Кошмар! — вырывается у меня.

Вокруг страшное запустение.

- Я знаю, что первое впечатление о нашей лечебнице может сложиться не самое приятное, — смущается Марта, — но когда вы все осмотрите...

- То придёте в настоящий ужас, — в неудобной тишине раздаётся трескучий жёсткий женский голос.

В ответ на него отец тяжело вздыхает и стонет.

Из темноты нам навстречу выступает высокая, затаенная в тёмное шерстяное платье женщина.

Тусклый пляшущий свет масляной лампы выхватывает из сумрака её седые волосы, стянутые в высокий пучок на затылке, строгие заострённые черты неприветливого лица и худые руки, сложенные на груди. Её серый бесцветный взгляд выражает полное равнодушие.

- Грета! Как ты можешь? — возмущённо выдыхает Марта. - Доктор с дочерью устали с дороги, да ещё эта буря! Я уверена, что ясным, солнечным днём они...

- Уедут отсюда, как уехали все, кто был до них! — женщина разворачивается и распахивает одну из дверей. - Прошу, герр доктор, ваша комната!

Мы с папой с любопытством заглядываем внутрь.

Признаться честно, я вообще не ожидаю увидеть там ничего хорошего.

Но комната меня приятно удивляет.

Небольшая комната со светлыми выгоревшими обоями чисто вымыта и пахнет цветами, а не плесенью.

В углу добротный стол с лампой, за ним шкаф с аккуратно расставленными книгами.

По другой стене стоит кровать, застеленная чистым холщовым бельём и тумба с огромной миской и кувшин с водой.

Ближе к выходу старинный покосившийся шкаф и угол выложенной изразцами печки.

Мы с Мартой помогаем отцу сесть на кровать.

Грета задёргивает на окне занавески, и, к моему удивлению, после этого не взлетает облако едкой пыли. Наоборот, по комнате плывёт аромат лаванды.

- Мы оставим вас, герр доктор, — улыбается Марта и подвигает ближе к отцу миску и кувшин с водой. - Вы можете умыться с дороги и немного отдохнуть. Эли позовут вас к ужину.

Отец только кивает, уставившись мутным взглядом в чисто выскобленный пол.

- Прошу! — кивает на выход Грета.

И я подчиняюсь. Жму перед выходом сухую безжизненную руку отца, наклоняюсь, чтобы обнять его за плечи, и шепчу.

- Отдыхайте, отец. Утро вечера мудренее.

И выхожу следом за женщинами.

- О, — Марта снова складывает ладошки на широкой груди и улыбается мне, — вы такая мудрая девушка!

- А что ей ещё остаётся? — отрезает Грета и, взяв лампу из моих рук, идёт дальше. - Если герр доктор не позаботился о том, чтобы узнать, на что подписывается, прежде чем вкладывать свои последние деньги!

- Грета! — вспыхивает Марта. - Не слушайте её! Она не злая, просто слишком прямая...

Говорит и сама осекается.

Конечно, они ведь обе правы.

Альберт фон Штраус так торопился скрыться от общества и залечить душевные раны опозоренной дочери, что согласился на первое же встреченное предложение — купить патент на врачебную практику в живописном месте — графстве Стрэйд. В довесок к патенту шёл договор аренды этой самой лечебницы на десять лет. Договор заключён между доктором Альберт фон Штраус и императорской медицинской службой. И расторжению не подлежит. Все средства уже направлены в казну.

После того как я очнулась в комнате Аделины в старинном особняке герра доктора, я не очень вдавалась в состояние его дел.

Просто успела понять, что болезнь бедняжки Аделины была скорее нервной.

Старый герр доктор оказался на грани разорения, слишком беспечно ведя свои дела.

А юный возлюбленный его дочери, узнав, что преданное Аделины ушло на покрытие долгов, разорвал с ней помолвку и выставил долговые дела Альберт фон Штраус на обозрение всего света.

Как ни странно, свет осудил не его, а доктора, юную же Аделину окрестили бесприданницей и предпочли забыть, вычеркнув из круга общения.

Бедняжка Аделина тяжело перенесла предательство воз-

любленного и презрение света.

Она слегла. А учитывая, что в её теле после мозговой горячки очнулась уже я, она не смогла оправиться.

И что мне делать со всем этим, я пока ума не приложу!

Визуализация

Эльфискуль - магическое существо, помогающее в лечебнице

Вот еще одно) Чумазое)

Экономка Марта, милейшая женщина

Старшая и собственно единственная медсестра в лечебнице - Грета

Глава 4

Марта берёт меня под руку и ведёт по длинному коридору.

Путь нам освещает дрожащее пламя лампы.

Грета шагает впереди, её тень колыхнется на стенах, будто живая. Каждый наш шаг отзывается скрипом старых половиц, словно дом стонет под нашим весом.

– Эли, покажи барышне её комнату, — бросает Грета в темноту, и её голос звучит резко, как удар хлыста.

Из-за её длинной юбки показывается маленькая фигурка с огромными глазами.

Существо заинтересовано поворачивает голову. Смотрит то на Грету, то на меня.

Крохотное, оно едва доходит этой женщине до колен, худое и измождённое на вид. Руки-веточки и огромные глаза в пол лица.

Только сейчас я могу разглядеть на его голове волосы, собранные в неопрятный пучок. И болтающееся на худом тельце старое платье.

Тёмная ткань давно выгорела, подол местами порван и весь в пятнах. Остатки когда-то белого фартука висят ключьями на талии.

– Это эльфискуль, — женщина гладит существо по голове. И в голосе строгой, затянутой в тёмное платье старшей медсестры появляются мягкие нотки.

А я с удивлением замечаю, как существо жмётся к ней, впитывает ласку и урчит от удовольствия.

- Их здесь много. Они что-то вроде помощников. Только толку от них сейчас нет никакого. Пока лечебница в таком состоянии они бесполезны. Только ходят без дела или спят в шкафах и стенах.

Эльфискуль вздрагивает и делает неуверенный шаг ко мне.

Его огромные, слишком большие для крошечного лица глаза блестят в полумраке, словно наполненные собственной светящейся жидкостью.

- Идём, — шепчет оно, и его голос звучит как шорох сухих листьев под осенним ветром.

Мы сворачиваем в боковой коридор.

Здесь воздух гуще, тяжелее — пахнет сыростью и чем-то лекарственным, горьким. Пол проваливается под ногами, а с потолка свисают целые гроздья паутины, в которых застыли высохшие насекомые.

Я машинально прикрываю рот рукой, когда прохожу под особенно густым скоплением.

- Комната ваша. Комната хозяйки, — эльфискуль толкает дверь, и она открывается с протяжным скрипом, будто не желая впускать нас.

Я замираю на пороге, ожидая увидеть очередное разорение. Но...

Комната сияет.

Чистые простыни из грубого полотна на широкой деревянной кровати кажутся ослепительными после всеобщей серости.

На резной тумбочке — ваза со свежими полевыми цветами, их лепестки ещё блестят от капель воды.

Деревянный пол, натёртый до медового блеска, отражает свет лампы.

И — самое неожиданное — в углу, за ширмой стоит медная ванна, наполненная дымящейся водой.

— Как... — начинаю я, но эльфискуль уже растворяется в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое дрожание пространства, будто от жары.

В комнату заглядывает улыбающаяся Марта, в уголках её добрых глаз появляются лучики морщинок:

— Постарались для вас. И это очень хороший знак. Эльфискули чувствуют, когда в дом приходит свой человек.

Я опускаю руку в воду — она пахнет ромашкой и мёдом, тепло приятно обволакивает пальцы. Но моё внимание привлекает другое: на поверхности воды плавают крошечные серебристые частицы, которые светятся в темноте, как светлячки.

— Это... — начинаю я.

— Вода из целебного источника, — поясняет Марта. — Когда-то он бил прямо под лечебницей. Теперь... — она вздыхает, — теперь почти иссяк. Но для вас Эли не пожалела редких капель.

Грета, стоявшая всё это время в тени, внезапно делает шаг вперёд. Её бледное лицо в свете лампы кажется почти прозрачным.

— Марта, оставь нас, — говорит она, и в её голосе звучит нечто, заставляющее добродушную экономку немедленно поклониться и выйти.

Когда дверь закрывается, Грета поворачивается ко мне. Её серые глаза в полумраке кажутся совсем бесцветными, как дождевая вода.

— Вы должны знать правду, — шепчет она, и её дыхание пахнет мятой и горькой полынью. — Лечебница умирает. И уносит нас с собой.

Она протягивает худую руку с длинными пальцами и проводит ими по стене. Под её прикосновением на мгновение проступают... золотые прожилки, будто в дереве течёт светящаяся кровь. Они пульсируют, затем медленно гаснут.

— Много веков назад лечебницу построила графиня Стрэйд. Она вложила в эти стены всю свою магию, опустошила себя, чтобы могли жить другие. Это были лучшие годы этого места. Постепенно волшебные силы стали истощаться. И с тех пор каждый новый граф Стрэйд вкладывал в эти стены свою магию. Хотя её уже ни на что не хватало. Разве что для того, чтобы крыша не рухнула нам на головы. Но восьмой граф Стрэйд отказался отдавать свои силы этому месту. И с тех пор права на лечебницу продаются или сдаются в аренду, хозяева меняются, а это место умирает... — Грета внезапно

обрывает, её голос становится жёстким. - Так что, если в вас не течёт кровь Стрэйдов — уезжайте! Вы всё равно ничего не сможете изменить здесь!

Где-то в глубине дома раздаётся громкий треск, будто рухнула балка. Стены вокруг нас содрогаются, с потолка сыплется пыль. Но Грета не обращает на это внимания.

— Оно проснулось, — внезапно рядом появляется обеспокоенная Эль. - Ему не нравится. Не говори так!

— О ком она? — я хмурюсь, но Грета отмахивается.

— Не обращай внимания. Эльфискули иногда слишком пугливы и восприимчивы. Особенно когда дом, частью которого они являются, находится в плохом состоянии.

С глухим стуком она ставит лампу на тумбочку. Отчего пламя беспокойно мечется, а по стенам ползут пугающие тени.

Я чувствую, как по моей руке пробегает холодок — крошечная ладонь эльфискуля цепляется за мои пальцы.

— Набирайтесь сил, — шепчет оно, но голос звучит также испуганно. - Завтра... завтра будет сложно. Новой хозяйкой быть опасно.

— Опасно? Ты о чём?

Я оглядываюсь, но дверь за моей спиной тихо захлопывается.

И я остаюсь одна, освещённая затухающим пламенем масляной лампы и слабым светом серебристой воды в ванне.

Сбрасываю платье — оно падает на пол с глухим шоро-

хом. Кожа покрывается мурашками от прохладного воздуха. Вода, несмотря на странные светящиеся частицы, кажется совершенно обычной — тёплой, ароматной.

Погружаюсь в неё с наслаждением. Грязь дороги смывается, но чувство тревоги — нет. Оно сидит глубоко в груди, холодным комком.

Моё внимание привлекает зеркало над умывальником. В его тусклой поверхности отражается комната, но... что-то не так.

Я медленно поворачиваю голову. В зеркале движение застывает на долю секунды.

И тогда я вижу.

За моим отражением в медной ванной стоит другая фигура.

Высокий, темноволосый мужчина с тонкими аристократичными чертами лица в чёрном плаще.

Его лицо бледное, почти белое, а тёмные глаза смотрят прямо на меня.

Я вскакиваю, оборачиваюсь — комната пуста.

Но когда снова смотрю в зеркало, он всё ещё там.

Фигура молчит, медленно поднимает руку, указывая куда-то вниз.

На пол или на то, что скрыто под ним.

Где-то в глубине дома что-то стонет — долгий, протяжный звук, будто огромное существо пробуждается ото сна.

Вода в ванне моментально холодеет. Серебристые части-

цы гаснут одна за другой, как умирающие звёзды. А по поверхности воды ползёт тонкая корочка льда.

Из-под двери в комнату начинает медленно заползать тень...

Глава 5

Моё тело сковывает панический страх.

Дрожащее пламя масляной лампы гаснет, оставляя меня в полной темноте.

Но даже этого не хватает, чтобы скрыть мерзкую бесформенную тень, что пролазит под дверь.

Она извивается, распахивает беззубый рот и заходится в беззвучном крике.

Мужская фигура делает шаг ко мне, но я шарахаюсь в сторону.

Поскальзываюсь в ванной и с грохотом падаю в воду.

Мутная ледяная вода накрывает меня с головой.

В панике я судорожно ищу бортики, вцепляюсь в них пальцами и подтягиваюсь.

Стараюсь отплеваться от затёкшей в нос и рот воды, откинуть длинные мокрые волосы, что облепили лицо и шею, и обернуться.

Мужской силуэт исчез без следа.

Я поворачиваю голову, но нигде не могу его найти.

Медленно выдыхаю, но ровно до того момента, пока не замечаю на медном крае ванной, рядом со своей ладонью чужую ладонь.

Или не знаю, что это.

Сухое и костлявое. Больше похожее на узловатую палку с

растрескавшейся корой, чем на руку живого существа.

Что-то похожее я видела у эльфискуля, но ручка Эль была почти в три раза меньше и не оставляла после себя глубоких царапин на металле.

- Ты! — скрежещет что-то рядом со мной.

Я дрожу от страха и холода.

По медному краю ванной и поверхности воды ползёт корка льда.

- ТЫ!!! — раздаётся совсем рядом. Сухая корявая рука сжимает бортик ванной и подтягивает ближе такое же сухое и безобразное тело. Которое частично материализовалось их густой тени.

Перекошенное от безобразной старости лицо, покрытое уродливыми трещинами и язвами, темно-коричневое, словно вырезанное из коры.

Пучки сухой травы вместо волос и впалая грудь с огромным дуплом вместо груди.

- УБИРАЙСЯ! — из перекошенного рта вылетает хрип.

А сухая уродливая рука тянется ко мне, к моим волосам и телу.

Я в панике отталкиваю от себя это существо, кричу и бью ногами в воде.

Соскальзываю снова под воду, а когда вынырываю, то не узнаю комнату.

Яркие лучи утреннего солнца раскрасили её в яркие цвета.

А всё потому, что вместо одного из разбитых стёкол стоит часть старинного витража с разноцветными стёклышками.

Играя и проскальзывая сквозь них, солнечные лучи придают комнате сказочный вид.

Я оборачиваюсь.

В комнате никого.

Разноцветные солнечные зайчики скачут по стареньким светлым обоям с нежными цветочками. Перепрыгивают на застеленную кровать, где весело резвятся на мягком вязаном пледе.

Искрясь, ныряют в кувшин с чистой родниковой водой и наконец, прыгают мне прямо в ладони.

Ни мужской фигуры, ни страшной тени с уродливыми руками и лицом рядом нет. И даже вода в ванной уже давно остыла, но на её поверхности нет ни крошки льда.

Я медленно поднимаюсь, подхватывая с деревянного стула рядом огромный отрез ткани. Закутываюсь в него и ещё раз осматриваю комнату.

Дверь плотно прикрыта. А щель под ней так мала, что туда даже сквозняк вряд ли проскочит.

Подхожу назад к ванной, осматриваю каждый сантиметр бортиков, но не нахожу на их поверхности ни царапин, ни трещин.

Хм. Подушечками пальцев растираю виски.

Может, мне всё это почудилось? Приснилось?

Неужели я всю ночь просидела в холодной ванной?

Не подхватить бы простуду!

Я очень быстро вытираюсь насухо. Отжимаю длинные непослушные волосы.

Они мокрым золотом рассыпаются по плечам. Наверное, Аделин гордилась своими волосами.

Как я слышала из перешёптываний прислуги и соседей Альберт фон Штрауса, девушку считали красавицей и довольно выгодной партией. Пока её отец не обанкротился, а жадный до денег женишок не ушёл в закат.

Но что случилось, то случилось. Если бы не это, не знаю, где бы сейчас оказалась я сама.

Распахиваю большой, обитый кожей, дорожный сундук Аделины. Внутри лежат все её платья, перчатки и бельё.

Мне кажется, здесь этого добра больше чем нужно. Особенно учитывая наше бедственное положение.

Достаю струящееся платье из голубого ситца. Здесь ткани хватит на три простых наряда, если отпороть оборки и рюши.

Откладываю его в сторону.

Следом за ним на кровать отправляются ещё несколько слишком роскошных или легкомысленных платьев. В такой глуши их просто некуда надевать.

Возможно, когда-нибудь потом.

Но сейчас я выбираю строгое платье из синего хлопкового штапеля, простое и лёгкое. Оно плотно облегает мою стройную фигуру, но при этом не сковывает движений.

То, что нужно для ревизии лечебницы, потому что именно

этим я и собираюсь заняться.

- Эль, — зову я осторожно и прислушиваюсь.

Не дождавшись ответа, зову громче и настойчивее.

- Эль!

И тут же рядом со мной появляется эльфискуль. Но не Эль.

Они безумно похожи. Словно сестры. Те же огромные удивлённые глаза, то же выражение ленивого интереса на крохотной мордочке и такое же ветхое платье на хрупкой фигурке.

- А где Эль? — спрашиваю я, присаживаясь перед существом на колени, чтобы быть на одном уровне.

Но оно непонимающе жмурится и трясёт головой.

- Понятно, — я поднимаюсь на ноги, протягиваю существо ладонь и говорю. - Отведи меня, пожалуйста, на кухню. К Марте.

Существо согласно кивает, с радостью хватая мою ладонь и тянет меня вперёд, в тёмный провал коридора.

По дороге я стараюсь подметить всё, что надо починить.

Например, эти картины. Зачем они здесь? Их можно снять и отправить на чердак или в сарай. Или вообще сжечь!

А старые ковровые дорожки, пахнувшие плесенью и зияющие прорехами, нужно выбросить без сожалений!

Не знаю, сколько у нас с отцом осталось денег. Ни меня, ни настоящую Аделину этот вопрос раньше, кажется, не волновал. Но раз нам придётся здесь жить, надо хотя бы жилую

часть дома привести в относительный порядок.

А чтобы убрать паутину, гроздьями спускающуюся с потолка и массивных люстр, денег вообще не нужно. Нужна метла и две руки!

Решительно захожу на кухню, где Марта уже месит тесто, на массивной чугунной плите кипит вода, а крошки-эльфискули жмутся ближе к огню.

- Доброе утро, — приветствую я экономку.

- Как спали? — улыбается она в ответ. - Вы не спустились вчера к ужину. Эль сказала, что вы уснули. Мы не решились вас будить.

Я молча кошусь на свою провожатую, но она только лениво ведёт плечиком и медленно растворяется в воздухе, словно её и не было.

- Эль? — я удивлённо поднимаю брови, — мне казалось вчера Эль была другая...

- Они все Эль, — посмеивается Марта. - Они разные, но в каком-то роде единое целое. У каждого свой характер, но при этом у них общая память и нет своих имён. Они часть дома, часть лечебницы.

- Грета сказала, что они бесполезны?

- В каком-то смысле да, — улыбка сползает с лица экономки. - Чем старше становится лечебница, тем тяжелее становится эльфискулям. Они умирают вместе со зданием.

- Но разве нельзя заставить графа Стрэйда влить сюда хоть немного своей магии? Это же его родовое поместье! На

его земле!

- Граф Стрэйд умер, — качает головой Марта. - И у него не было детей. Так что наша земля и лечебница осиротели. И что теперь будет...

Она замолкает и машет рукой.

- Простите, не хотела о грустном.

- Марта! Марта! — в кухню быстрым шагом заходит Грета, придерживая тяжёлый подол своего тёмного платья. - И вы здесь, мадемуазель Штраус.

Она сдержанно мне кивает и достаёт из кармана белоснежный конверт с гербовой печатью.

- Едет! — она с трудом переводит дыхание.

Я замечаю, что подол её тёмного платья заляпан жидкой грязью после вчерашнего дождя, а кожаные ботинки промокли и раскисли.

Неужели, она сама встречала почтальона у ворот?

До них же идти, наверное, километр!

- Кто едет, Грета? — Марта торопливо вытирает перепачканные мукой руки о передник.

Старшая медсестра переводит дыхание и вскрывает конверт.

- Граф Стрэйд! Новый граф Стрэйд принял в наследство титул и земли во владение. В следующем месяце он прибывает в графство, о чём информирует нас, и желает лично проинспектировать лечебницу! — пробегает она глазами по строчкам, написанным красивым размашистым строчкам.

- В случае неудовлетворительного состояния здания и всех, касающихся её дел, лечебница будет закрыта... — голос Греты дрожит, но она всё ещё старается взять себя в руки. - А персонал и больные, находящиеся на попечении лечебницы распущены...

По худому, строгому лицу пробегает судорога. И на миг я могу уловить простые человеческие эмоции Греты. Боль, печаль и сожаление.

- Не может быть, — охает Марта. - Как же так...

- Как видишь, — резко обрывает её Грета. Порывисто складывает письмо и дрожащими пальцами старается вложить его обратно в конверт. Но у неё не получается.

Сама не знаю почему, я подхожу к ней, забираю мятую бумагу из её рук и пожимаю её длинные сухие пальцы.

- Мы приведём в порядок лечебницу, я вам обещаю!

Глава 6

Я стою посреди главного зала лечебницы, сжимая в ладонях мятый список, составленный за торопливым завтраком.

Бумага дрожит — то ли от моих нервов, то ли от лёгкого сквозняка, который гуляет по залу, заставляя шевелиться занавески и выдувая из углов новые порции пыли. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь мутные, грязные фасетчатые окна, выхватывают из полумрака облака пыли, которые медленно кружатся в воздухе, словно крошечные призраки. В нос бьёт густой запах плесени, подслащенный чем-то тревожно-приторным, напоминающим одновременно засохшие травы и давно пролитое лекарство.

Список первоочередных задач:

- Убрать паутину и грязь (метлы, тряпки, вода — бесплатно, если не считать потраченных нервов и времени)
- Выбросить сломанную мебель (силы Марты, Греты, мои, ну и надеюсь эльфискули помогут)
- Найти хоть какие-то лекарства (посмотреть запасы в подвале, если туда вообще возможно спуститься)
- Проверить пациентов (кто они? сколько их? чем больны?)

Из глубины лечебницы, где-то за стеной зала, слышатся приглушённые стоны, перемежаемые внезапным, хриплым кашлем — словно чей-то голос отчаянно пытается пробить-

ся сквозь толщу пыли, забвения и безысходности. Звуки то затихают, то вновь вспыхивают.

Рядом со мной Грета — строгая, упрямая, с волосами, забранными в тугой пучок. Её тонкие пальцы сжимают связку ржавых ключей, которые кажутся непомерно тяжёлыми даже для нее. На ее щеках — серый налёт усталости, а под глазами — тени бессонных ночей.

— Начнём с палат, — говорит она уверенно. — Вам нужно увидеть, с чем мы имеем дело.

Мы идём по длинному коридору. Пол под ногами прогибается, доски жалобно скрипят, будто умоляют: "Не ходите дальше".

Где-то под одной из досок внезапно прорывается поток ледяного воздуха — из подвала несёт сыростью и чем-то острым, металлическим. Я невольно вздрагиваю и мысленно добавляю к своему списку ещё одну задачу:

— Ремонт пола. Очаровательно.

Первая палата.

Две железные кровати, покрытые местами ржавчиной. На одной — иссохший старик с прозрачной, почти бумажной кожей, плотно натянутой на кости. Его глаза мутные, будто затянуты молочной плёнкой, взгляд уходит куда-то сквозь меня, в пустоту. Он не реагирует, даже когда я наклоняюсь почти вплотную.

— Герр Лангер, — говорит Грета. — Сердечный удар. Не говорит, почти не двигается.

На второй кровати — женщина, её тело истощено, пальцы, похожие на птичьи когти, намертво вцепились в одеяло. Каждый её вдох сопровождается сиплым, свистящим звуком, а на губах — алые пятна свежей крови.

В углу стоит ведро с грязной водой, от которого поднимается кисловатый запах; вокруг него роится целое облако ленивых, жирных мух.

— Фрау Вебер. Туберкулёз, — докладывает Грета.

Я осторожно касаюсь её плеча. Она вздрагивает, но не оборачивается. В её глазах — страх и какая-то тупая покорность.

Вторая палата.

Всего одна кровать, и возле неё — старушка в блеклой ночной рубашке. Она сидит в углу на деревянном стуле, уставившись в стену. Руки сложены на коленях, пальцы медленно шевелятся, будто перебирают невидимые нити. В комнате пахнет затхлостью и чем-то ещё — может быть, сушёными травами.

— Это фрау Браун, — говорит Грета. — Она... не разговаривает. Уже лет двадцать.

— Что с ней?

— Никто не знает. Она здесь была еще до того как я устро-

илаась работать в лечебницу. Говорят, однажды утром просто села и замолчала. Навсегда.

Я подхожу ближе. Старушка не реагирует, даже не мигает. Её глаза — как два высохших колодца. На стене за её спиной замечаю странные царапины, будто кто-то пытался выцарапать что-то ногтями. Может быть, это были дети, а может быть — сама фрау Браун в приступах тоски.

Третья палата.

Пусто. Только пыль на подоконнике и остатки чьей-то жизни — забытая трость, пара старых тапок.

— Здесь лежал герр Фогель, — хмурится Грета. — Умер три дня назад.

— От чего?

— Старости.

Я закусываю губу, чтобы не сказать что-нибудь резкое.

— Сколько всего пациентов?

— Сейчас? Четверо. Пятеро, если считать фрау Браун.

— А раньше?

— Лет двадцать назад — полсотни.

Я сжимаю список так, что бумага мнётся в ладони. В этот момент где-то в коридоре резко хлопает дверь — не то сквозняк, не то чей-то торопливый шаг. Я вздрагиваю.

— Где аптека? Где инструменты?

Грета ведёт меня в маленькую комнату в конце коридо-

ра. Здесь пахнет прелым деревом и старым спиртом. Полки почти пусты. Несколько склянок с засохшими остатками настоек, треснувшие пузырьки, бинты — жёлтые от времени и запёкшейся крови. На полу валяется разбившийся пузырёк, и от него тянется тёмное пятно к щели в полу.

— Вот и всё, — говорит Грета, разводя руками.

Я хватаю первую попавшуюся бутылку. Этикетка гласит: "Настойка опиумной драцены".

О, ну хоть обезболивающее есть, думаю я, но радость длится секунду.

— Её использовать нельзя! — отрезает Грета. — Она только так, для проверяющих. Последний раз запасы пополнялись семь лет назад.

— Сколько?! — мои глаза округляются. — Вы серьёзно?

— К сожалению, да, — Грета не отводит взгляд. — Последний раз запасы пополнялись тогда.

Я опускаюсь на шаткий табурет, который жалобно скрипит. Голова кружится от усталости и бессилия.

— Как вы вообще лечите людей?

Грета удивленно приподнимает бровь, молча открывает ящик стола. Там — несколько пучков сухих трав, связанных бечёвкой.

— Ромашка. Мята. Шалфей. Все, что удаётся собрать в лесу, — говорит она с достоинством. - За последние пару десятков лет врачи постоянно меняются и не желают вникать в дела лечебницы. Все бегут от нас. А наши пациенты не могут

ждать вечно, помощь им нужна сейчас! Я делаю, что могу. И никто не может осуждать меня за это!

Я закрываю глаза.

Это катастрофа. И это даже не преувеличение.

Но не успеваю нормально выдохнуть, как ко мне стремительно подходит Марта, её лицо в тени кажется почти тревожным.

— Фрау Аделина, ваш отец, - ее голос обрывается протяжным вздохом. - Идемте скорее...

Я напрягаюсь. В животе холодеет от нехорошего предчувствия.

Я не видела “отца” со вчерашнего вечера. Он даже к завтраку не спустился, что на него не похоже.

Пусть, я не дочь Альберта фон Штраус, но успела изучить его привычки.

И он убежденный жаворонок. Любит встать еще до зари, сварить на спиртовке кофе и просматривать бумаги или лекции по медицине.

— Что случилось? — шепчу я, подбирая длинные юбки и бросаясь в комнату отца.

Где-то далеко за стеной вновь раздаётся тот самый кашель, теперь уже тревожный, почти отчаянный.

Глава 7. Элиас Стрэйд

"Элиас Стэйд, тёмный маг, глава отдела Имперской Службы Дознавателей" — гласит табличка на моём кабинете.

Толкаю дверь и захожу внутрь.

Я уже давно привык к запаху серы, пыли и ментальной энергии, витающему в коридорах министерства.

Здесь, в тишине своего кабинета, окутанного заклинаниями защиты от посторонних глаз и ушей, я чувствую себя спокойно.

Отодвигаю высокий стул с кожаной обивкой и сажусь за свой рабочий стол.

Чёрный камзол не стесняет движений, а сложный узор магических печатей на перстне всегда готов к защите от внешних атак.

Бью кулаком по столешнице и прикрываю глаза.

Этот день с самого утра пошёл наперекосяк.

Сначала кофе оказался пересоленным, потом печать на важном документе треснула, нарушая защиту и ставя под сомнение содержимое.

А теперь, когда я уже собирался уйти домой, меня перехватил запыхавшийся посыльный с письмом, опечатанным гербовой печатью графа Стрэйд.

Что могло понадобиться от меня дядюшке?

У нас никогда не было тёплых отношений. А после смерти

деда, когда двоюродный брат моего отца — Август Вельмонт хитростью и обманом заполучил графский титул Стрэйдов, общение и вовсе прекратилось.

Отец принял известие о потере родового особняка и земель стоически, младший брат Рейнар рвал и метал.

А я с головой погрузился в дела министерства и за несколько лет смог возглавить отдел Службы дознавателей.

неплохо, в неполных тридцать лет.

Поэтому я совершенно не понимаю, что могло понадобиться старому графу Стрэйду от меня.

Прикрываю глаза и вспоминаю родовое имение, где я несколько раз гостил по детству. Никаких тёплых чувств оно у меня не вызывает. Дед уже давно болел, отец был вечно занят, а мы с Рейнаром были предоставлены сами себе.

Отчётливо вспоминаются только горные хребты, затянутые туманом, и яркие лучи восходящего солнца, что пронзали их.

Ломаю гербовую печать и разворачиваю письмо.

К моему удивлению, оно не от дяди, а от его поверенного.

Быстро пробегаю глазами по строкам.

Вот так новость!

Чем дальше читаю, тем сильнее хмурюсь.

А гласит письмо следующее: двоюродный дядюшка, Август де Вальмонт, скончался от внезапной болезни. Не имея других наследников, графский титул Стрэйдов и родовые земли он завещает мне.

Откладываю бумагу.

Я граф? Элиас Стрэйд, тёмный маг на государственной службе, наследник старинного графства?

Это какая-то нелепая шутка.

Возвращаюсь к письму и исследую его.

Однако печать и подпись подтверждают подлинность документа.

Откидываюсь на спинку стула, чувствуя, как в голове рождается план.

Что же, графство Стрэйд, значит, графство Стрэйд.

Империя щедро платит мне за мои старания, но титул и земли родовые. Отказаться от них — значит перечеркнуть весь свой род.

Зову своего секретаря, молодого и толкового Кристофа - Найти в архиве всё, что сможешь по графству Стрэйд.

Если Кристоф и удивлён, то вида не показывает. Коротко кивает и исчезает.

Я знаю, что несмотря на позднее время, он справится быстро и безукоризненно.

Поэтому включаю небольшую горелку на тумбе за ширмой и ставлю на неё турку.

Мне понадобится крепкий кофе. И на этот раз я приготавливаю его сам.

(Молодой граф Стрэйд)

Уже через час на моём столе лежала толстая папка с отчё-

тами, картами и финансовыми документами.

Кристоф замирает молчаливой статуей рядом.

Изучив материалы, морщусь.

Меньше чем за десять лет Август де Вальмонт успешно пошатнул дела графства.

Графство Стрэйд сейчас — это захолустьем в худшем смысле этого слова. Небольшой замок, несколько деревень, крестьяне, в основном занятые земледелием и скотоводством. Но больше всего внимания привлекает старинная лечебница, расположенная на землях графства.

Её основала больше пятисот лет назад старая графиня Стрэйд, вложив в её стены всю свою магию и иссушив свой источник силы практически до дна.

К слову, она добилась немалых успехов, лечебница славилась на всю империю.

Но в последние годы она пришла в упадок. Денег не хватает, вливать в неё свои силы никто из графов Стрэйд не хочет уже много лет, дядюшка вообще был очень посредственным магом, его резерва едва хватало сдуть пыль со старых книг. Судя по финансовым книгам, заезжие врачи оформляют лечебницу в аренду, а потом бросают все и уезжают, пациенты умирают, а местные жители шепчутся о проклятии и тёмных силах, обитающих в стенах старого здания.

- Пф! Бред! — шепчу сквозь зубы.

Но лечебницей заняться стоит в первую очередь.

Не сто́ит оставлять на своих землях такую рухлядь, кото-

рая вот-вот рухнет и погребёт под собой последних пациентов.

Решение приходит быстро: ехать в Стрэйд, вступить в наследство, оценить ситуацию на месте и... закрыть лечебницу. Переселить пациентов в другие, более современные учреждения, а здание – просто снести.

Меня смущает только последняя запись в огромной книге: "Выдан патент на врачебную деятельность Альберту фон Штраус, заключён договор аренды лечебницы на его имя на десять лет".

Хмурюсь.

Запись совсем свежая. Документы оформлены меньше месяца назад.

Вот это может быть проблемой.

Потому что просто так выселить доктора Штрауса с семьёй не получится.

Но я что-нибудь придумаю!

Глава 8

Аделина

Врываюсь в комнату отца без стука и зажимаю рот руками, стоим мне увидеть его на полу.

Он лежит ничком, перед кроватью. В том же дорожном костюме, что был вчера.

Его рука неестественно подвёрнута, рядом, на полу валяется раскрытый дневник, упавший вслед за ним.

Я падаю на колени перед отцом и с трудом переворачиваю. В ответ мне раздаётся протяжный хриплый стон.

Он ЖИВ!

О боги, он жив!

- Папа! Папа, что с тобой? — зачем-то спрашиваю я. Хотя уже и сама понимаю, что это insult.

Половина лица Альберта фон Штраус повисла, подчёркивая яркую асимметрию.

Следом за мной в комнату заходит Грета. Где-то то ли внутри стен, то ли из коридора раздаётся топот ножек эльфискулей.

- У него удар, — я с надеждой смотрю на Грету и укладываю голову “отца” себе на колени. - Нужно послать за врачом!

Но Грета только качает головой.

- Я заплачу! Я что-нибудь придумаю! — из груди рвётся стон.

- Дело не в деньгах, — удивительно сухо и спокойно раздаётся её голос. - Ваш отец — единственный врач на многие мили вокруг. Не могу сказать, что местные жители возлагали на его приезд большие надежды, но надеялись, что он задержится.

- Значит, мы ничего не можем сделать? — спрашиваю я и чувствую, как по щеке стекает слеза.

Да, Альберт фон Штраус не мой родной отец. Он не вырастил и не воспитал меня.

Но он был рядом со мной, когда я попала в этот мир, заболела и терпеливо выслушивал мои глупые вопросы об этом мире, которые первое время сыпались из меня.

И даже если он догадался, что я больше не его дочь, то не перестал от этого относиться ко мне с теплотой и нежностью.

Он— единственная веточка, что связывает меня с этим миром и даёт хоть какой-то покой и уют. Боюсь представить, что со мной будет, если его не станет.

Я не знаю нашего положения в обществе, не знаю своих возможностей, и вообще ничего не знаю о долгах и как их отдавать.

А то, что они есть — это факт. Большую часть Альберт фон Штраус погасил из моего приданого, но на всех кредиторов денег не хватило.

Вообще, всё это прошло мимо меня. Точно так же, как

расторжение помолвки с женихом Аделины. Я смотрела на всё это отрешённо, потому что знала - это не моя жизнь. И надеялась, что вот-вот меня закинет обратно. В мою жизнь, к моему неверному жениху.

Но реальность оказалась иной.

- Ну почему? - Грета садится рядом со мной на колени и прощупывает пульс у Альберта фон Штраус. - Эль. Эль!

Словно из воздуха появляется эльфискуль, обводит нас мутным взглядом и кивает.

- Эль, мне нужна настойка мелиссы, лавандовые подушечки и отвар коры ивы.

Существо кивает и медленно растворяется в воздухе.

- Марта! - Грета обращается к запыхавшейся экономке, которая только что появилась на пороге. - Бери герра доктора за ноги, мы с мадемуазель Штраус поднимем за руки. Надо уложить его на кровать.

Мы подчиняемся приказам старшей медсестры.

Укладываем отца на кровать, стягиваем с него сапоги и порядком запылённый пиджак.

Как раз вовремя, на пороге спальни появляются эльфискули. Испуганной стайкой они жмутся к деревянному косяку и с тоской наблюдают, как мы суетимся вокруг отца.

- Подушка, — подаёт слабый голосок Эль и протягивает небольшую подстилку, от которой исходит яркий аромат лаванды.

- Мадемуазель Штраус, — Грета берет подушку, — под-

нимите ему голову.

Вдвоём нам удаётся уложить отца на подушки, среди которых лежит и тонкая подстилка из лаванды.

На тумбочке словно из ниоткуда появляются глиняные кружки с жидкостью. Одна с тёмной и мутной жижей, другая с белой опалесцирующей.

- Что это? — хмурится Грета, поднося одну из них к носу и осторожно принюхиваясь. - Настой змеиного корня? Но откуда?

Эльфискули только руками разводят.

- Замечательно! Не думала, что у нас осталось этот настой, — медсестра осторожно вливает отцу в рот всё до капли этого странного зелья.

Следом берёт вторую кружку с мутной жидкостью и также настойчиво и терпеливо вливает отцу в рот и этот настой.

А уже через несколько минут дыхание отца становится ровнее, а веки начинают дрожать.

С трудом он открывает глаза и обводит нас мутным взглядом.

Его сухие, потрескавшиеся губы подрагивают, он силится что-то сказать, поднять руку. Но не может.

От разочарования и усилий в уголках его глаз выступают слёзы.

- Всё будет хорошо, папа, — шепчу я и подхватываю его ладонь. Сжимаю и возвращаю её на место, накрыв сверху одеялом. - Мы справимся. Я пока не знаю как, но мы спра-

вимся. И лечебницу восстановим.

Я говорю что-то ещё, но как никогда отчётливо понимаю, что пока отец не встанет на ноги, нам некуда идти. Совсем.

Эта лечебница — единственное место, где мы можем переждать тяжёлые времена.

И пока отец не в состоянии ничего делать сам, мне придётся как-то налаживать дела.

Одинокая слезинка срывается с его ресниц и катится по морщинистой щеке.

Я вижу, как ему больно оттого, что он, мужчина, и оказался у меня на руках. Не он заботится обо мне, а становится обузой.

Но сейчас это меньшее, за что я стала бы переживать.

Главное, поставить его на ноги.

Об остальном буду думать позже.

Даже такое короткое общение отнимает у отца много сил, и он быстро засыпает.

А я поднимаюсь и выхожу из комнаты.

Не прошу никого меня проводить. Просто бреду по старинным коридорам и переходам, подобрав длинные юбки.

Кончиками пальцев свободной руки касаюсь старых стен. И чувствую странное тепло.

Словно под выгоревшими обоями ещё теплится живое сильное сердце этой лечебницы.

Делаю глубокий вдох, и вместе с горечью лекарств я впитываю мягкое тепло нагретого на солнце дерева.

Наверное, так здесь и должно пахнуть. Всегда.

Я не знаю, куда иду, но, кажется, дом сам ведёт меня.

И самое удивительное, что я не замечаю гнилых досок на пути, не спотыкаюсь о разошедшиеся пороги и не стряхиваю с головы сухих пауков и мух.

Нет!

Я иду и не узнаю эти коридоры. Вчера вечером они казались мне ужасающими, но сегодня, в ярком солнечном свете кружатся и блестят пылинки, придавая этому месту волшебства.

И разрушения уже не кажутся такими катастрофическими.

Всё можно починить, то, что нельзя починить, всегда можно выкинуть.

В ответ мне раздаётся протяжный скрежет, словно сам дом соглашается со мной.

Я резко останавливаюсь и зажмуриваюсь от яркого света, что бьёт мне прямо в лицо из раскрытой входной двери.

Толкаю её и выхожу на задний двор.

Оказывается, лечебница стоит на крутом утёсе и отсюда открывается прекрасный вид на горы и яркое восходящее солнце.

От входа и плавно спускаются деревянные ступени. Лестница петляет между каменными валунами и теряется где-то внизу в утренней дымке.

Сажусь прямо на нагретые солнцем ступени и глубоко

вдыхаю свежий утренний воздух.

Чудесное место.

Рядом раздаются неуверенные тихие шаги.

Оборачиваюсь.

Прямо за моей спиной стоит Эль. Одна из них.

- Ты что-то хотела? — спрашиваю её.

Но она упрямо молчит.

Эльфискуль переминается на босых ногах, комкает в руках рваный подол старенького платья.

- Сколько лет ты носишь это? — я хмурюсь.

Но существо только качает головой.

- У вас есть новые платья? Для выхода? Или для приёма гостей? — говорю и сама понимаю, как глупо это звучит.

И Эль снова качает головой.

Отворачиваюсь к солнцу. Жмурюсь и стараюсь сообразить, с чего начать преобразование лечебницы к приезду нового графа?

И здесь меня осеняет.

- Собери всех в самой большой комнате! — команду ЭЛЬ и поднимаюсь сама. - Давай, иди! И Марту позови. Скажи, пусть захватит свои швейные принадлежности.

А сама я врываюсь в лечебницу и словно птица, едва касаясь ногами сухих половиц, несусь по коридорам.

Захожу в свою комнату и сгребаю с кровати брошенное на неё утром голубое платье в рюшах.

Я решила пустить его на обновки для магических су-

ществ.

Раз к нам решил пожаловать сам граф, всё должно сверкать чистотой и поразить его порядком.

Не знаю, сколько здесь эльфискуль, но, надеюсь, этого платья хватит, чтобы приодеть волшебных существ. Нам очень важно произвести хорошее впечатление! И возможно получить финансирование и немного магической силы для этих стен!

Я уже решила, что останусь в этой лечебнице.

Теперь надо поставить на ноги отца и заполучить на свою сторону нового графа. Вот этим и займёмся!

Глава 9

Я расстилаю голубое ситцевое платье на большом дубовом столе в столовой. Солнечный свет, пробивающийся через пыльные окна, играет на складках ткани, делая её похожей на озёрную гладь. В воздухе стоит запах весенней пыли, и где-то в углу лениво тикают старые часы.

— Марта, иголки и нитки у вас есть?

— Конечно, мадемуазель! — экономка выкладывает на стол потёртую шкатулку с нитками, напёрстком и парой ржавых ножниц. Внутри шкатулки — ещё и горсть пуговиц, один пуговичный крючок и почему-то засохший кусочек карамели.

— А где... — начинаю я, но тут же замолкаю.

Из-под стола, из-за дверей, даже из щелей в полу начинают появляться эльфискули. Они робко жмутся друг к другу, перешёптываются на своём странном языке, похожем на шелест листьев. Их большие глаза следят за каждым моим движением, а уши трепещут, будто ловят каждое слово.

— Ну что, мои прелести, сегодня мы с вами устроим показ мод! — объявляю я, поднимая ножницы.

Эльфискули вздрагивают и отпрыгивают назад, как испуганные котята. Одна из них цепляется за край скатерти, другая прячется за вазой с засохшими цветами, третья вообще исчезает под шкафом.

Первой решаю переодеть самую смелую — ту, что привела меня на кухню. Она важно выходит вперёд, но, когда я подношу к ней ткань, начинает вертеться, как юла.

— Стой спокойно, — говорю я, оборачивая её в платье.

Но едва я прикладываю ножницы, чтобы отрезать кусок, она визжит и исчезает прямо у меня в руках. Секунда — и я слышу её шуршание уже на люстре. Она висит там, как огромная летучая мышь, и смотрит на меня с упрёком.

— ВЕРНИСЬ! — кричу я. — Я же режу не тебя, а платье!

Марта прячет смешок за ладонью. Ещё одна эльфискуль, между делом, крадёт катушку ниток и катит её по полу, словно это самый ценный трофей.

Вторая эльфискуль соглашается постоять смирно. Я быстро выкраиваю простой сарафан, сшиваю его грубыми стежками и торжественно надеваю на неё. Она смотрит на себя в блестящем чайнике и сияет, как звезда.

— Вот, смотри, как красиво!

Но платье тут же падает на пол — эльфискуль испарилась от счастья. Я слышу её радостное щебетание где-то из-за шкафа.

— ОНА НЕ ПРИВЫКЛА К ТАКОЙ ТКЕНИ! — хохочет Марта.

Третья эльфискуль оказывается слишком дружелюбной и решает помочь. Она хватает иголку — и здесь начинается настоящее шоу. Эльфискуль машет иголкой, как дирижёр палочкой, в итоге случайно тыкает мне в палец.

— Ай! — я отдёргиваю руку. Кровь. Эльфискуль в ужасе бросает иглу и начинает носиться по комнате, задевая полки. С грохотом падает банка с сушёными жуками (зачем они здесь?!). Жуки рассыпаются по полу, а одна особо юркая эльфискуль тут же хватается жука и с гордостью показывает его подружкам.

Все эльфискули визжат и прыгают на стулья. Одна из них умудряется запутаться в мотке ниток, и я с трудом уговариваю её успокоиться, чтобы я могла её освободить.

Четвёртая эльфискуль в восторге от своего нового наряда. Она крутится, вертится, запутывается в ткани и падает прямо в миску с мёдом, которую кто-то оставил на столе. Теперь она липкая, голубая и счастливая. Остальные эльфискули с завистью смотрят на неё и перебирают свои простенькие наряды, явно мечтая о таком же приключении.

Пятая эльфискуль пытается примерить часть ткани как шляпку и гордо дефилирует по столу, пока остальные хлопают ей и даже кидают горошины — "конфетти". Шестая решает, что из пуговиц можно сделать бусы, и нанизывает их на нитку, в итоге путаясь в ней с ног до головы.

Седьмая, самая маленькая, решает устроить конкурс на самую быструю катушку и катает катушки по полу, пока одна не закатывается под буфет. В результате под буфетом теперь целая коллекция ниток, пуговиц и одного забытого сушёного жука.

К вечеру половина эльфискуль щеголяет в не совсем иде-

ально сшитых, но всё же опрятных и симпатичных платицах, а вторая половина — боится подойти (но тайком глазеет из углов) и постепенно тоже подходит, осторожно подёргивая за край платья.

Комната в полнейшем хаосе: нитки повсюду — целые клубки и отдельные тонкие дорожки, протянутые от стола к буфету, к ножкам стульев, к дверной ручке. Жуки в мёде, мёд на полу — кто-то из эльфискуль уронил ложку, и теперь по липкой дорожке ползёт не только жук, но и маленькая эльфискуль, решившая попробовать «по вкусу». Несколько иголок каким-то загадочным образом торчат из стен — возможно, их туда метнули в панике или по ошибке, а может, это новые эльфискульные украшения. Одна эльфискуль катается по столу, увязнув в обрезках ткани, и весело хохочет, когда очередной кусок ситца наматывается ей на ухо. Другая устроилась поудобнее с миской мёда и ест прямо с ложки, изредка облизывая свои липкие пальцы и оставляя за собой золотистые следы.

Пара эльфискуль резвится под столом, играя в прятки за клубками ниток, а ещё одна, самая миниатюрная, примеряет напёрсток, как корону и важно дефилирует по подоконнику, ловя солнечные зайчики. Некоторые эльфискули, устав от бурного веселья, забрались на стулья и наблюдают за происходящим, тихо перешёптываясь и делясь впечатлениями о своих новых платицах. В уголке стола уже выросла целая гора из обрезков ткани, лоскутков и пуговиц, а один особо

смелый жук облюбовал её как собственную крепость.

И всё же, когда первая эльфискуль в голубом платье радостно кружится перед зеркалом, её глаза сияют счастьем, а платье, словно волна, колышется вокруг — я понимаю: все хлопоты были не зря. Пусть на полу лужицы мёда, а иголки нужно будет ещё искать по всей комнате, но эльфискули счастливы, и это главное.

— Завтра вечером, — говорю я, подбирая с пола ножницы, — мы шьём фартуки для уборки.

Эльфискули радостно переливаются чем-то похожим на птичий щебет — звонким, весёлым, словно пения маленьких пташек на рассвете. Они окружают меня плотным кольцом, тянут меня за рукав, за подол, кто-то даже пытается обнять, а Марта в этот момент смеётся до слёз, вытирая глаза концом кухонного полотенца.

Атмосфера в комнате — весёлая, тёплая и уютная, хотя беспорядок, кажется, достиг пика. Даже старые часы на стене будто подмигивают мне, одобряя творящийся хаос.

Но идиллию внезапно нарушает Грэта: она влетает в комнату, прижимая к груди ворох бумаг. Её лицо озабочено, голос дрожит от тревоги:

— Наверняка проверяющие сделают инспекцию лекарств. А у нас проблема и с запасом, и с деньгами. И мы должны придумать, как решить эту ситуацию.

Веселье мгновенно стихает. Эльфискули замолкают, осторожно выглядывая из-за спин друг друга, и кажется, что даже солнечный свет становится чуть тусклее. Самая серьёзная из них вытаскивает из-под платья маленький леденец и протягивает мне — может, это поможет? Другая приносит сушёного жука, а третья, очень старательно, кладёт перед Гр-этой катушку ниток, словно предлагает волшебную нить для починки мира.

Глава 10

Я стою посреди двора, сжимаю в руках исписанный пометками список — он весь в крестиках, стрелках, жирных «сделано» и ещё более жирных «не сделано».

Быстро отмечаю: «выдрала сорняки у входа», «заколотила самые зияющие дыры в стенах», «перешла занавески из старого балдахина» — горстка побед, которые уже не кажутся такими значительными.

А напротив «не сделано» — целый ворох задач, словно бездонная корзина, из которой всё время что-то выпадает.

Вокруг меня столпились эльфискули. Они щеголяют в новых лоскутных фартуках, старательно скроенных из потрёпанных, но чистых тряпок, и жмутся ко мне, переминаясь с ноги на ногу. Их тихие голоса подобны шороху сухой травы.

Я чувствую, как их тревога смешивается с моей, наполняя двор глухим напряжением.

До приезда графа — всего три дня. Всего каких-то трое суток, которые надо прожить, не развалившись на части. Очаровательно.

— Сегодня чистим палаты! — объявляю я, хлопая в ладоши, словно в этом жесте спрятана хоть какая-то уверенность. — Марта, ты берёшь эльфискулей и моешь полы. Грета — проверяешь запасы трав. Я займусь...

Резкий металлический скрежет из глубины здания обры-

вает мои слова на полуслове. — Это... печь? — шёпотом спрашивает Марта.

— Печь в прачечной, — хмуро отвечает Грета, — ей ещё сто лет назад требовался ремонт, если не больше...

Мы бросаемся внутрь.

Из прачечной уже валит едкий дым, который щиплет глаза и горло. У двери стоит эльфискуль с ведром воды, виновато прижимая уши — она пыталась потушить огонь, но только размазала воду по грязному полу.

Внутри — настоящая катастрофа: горы грязного белья, коптящая печь, откуда сыплются искры и клубится дым.

— Нужно срочно остудить её! — кричу я, хватаю кочергу, пытаюсь не закашляться.

Эльфискули в панике мечутся по прачечной, как стая воробьёв, застигнутых бурей. Кто-то из них выливает полное ведро ледяной воды на раскалённую докрасна печь — вода с плеском выливается на раскалённые кирпичи, помещение заполняет резкое шипение и густой пар. А следом раздаётся треск!

Кладка треснула.

Старинная печь не выдержала перепада температуры, шов разошёлся, и часть стенки просто высыпалась нам под ноги вперемежку с тлеющими углями.

Внутри меня едва вспыхнувшая надежда тонет в волне отчаянья.

— Это невозможно, — тяжело дышу я, стараясь не рас-

плакаться, — теперь у нас нет ни горячей воды, ни отопления.

Все мои попытки привести лечебницу в порядок идут прахом, словно само здание устало “жить” и решило уйти на покой.

Я опираюсь плечом о стену и пытаюсь собраться с мыслями.

Эльфискули по одному, исчезают из прачечной, что-то тихонько пискнув на прощанье.

Что за наказание?! Кто придумал все эти испытания, и почему именно мне досталась эта лотерея?

- Мадемуазель Штраус, — Марта кладёт мне руку на плечо. - У нас есть печь на кухне. Кипятить там чаны с бельём мы не сможем, но горячая вода у нас будет. Столько, сколько надо. Я достану с чердака самые большие котелки и буду постоянно греть в них воду.

- Бельё можно отдавать прачке в деревню, — добавляет Грета.

- Но у нас нет денег! — выкрикиваю я почти в отчаянье.

- У мужа прачки Бонье больной желудок. Он регулярно приходит просить снадобий. Мы можем готовить их взамен стирки, — добавляет Грета.

И неожиданно тепло пожимает мне руку.

- Не расстраивайтесь, Аделин.

- Всё рассыпается у меня на глазах! Как я могу не расстраиваться?

- Всё рассыпáлось здесь и пять лет назад, и сто лет назад. И никто не принимал это так близко к сердцу. Поймите, в одну секунду вы не сможете решить все проблемы этой лечебницы просто потому, что у вас не хватит на это сил.

Я пожимаю её руку в ответ, но всё равно поднимаю выше подбородок.

- Дорогу осилит идущий, — говорю я, — и я не собираюсь останавливаться.

После моих слов Марта с Гретой переглядываются, хлопают в ладоши и засучивают рукава.

Эльфискули вместе с Мартой спускают с чердака старинные котелки.

Эль командует своими “сёстрами”, и они ловко по цепочке передают ведра с водой на кухню.

Шумная, ворчливая цепочка из десятков эльфискулей смеётся и прикрикивает друг на друга, когда вода выплёскивается на землю или на них самих.

Мокрые с головы до ног, но счастливые существа словно оживают.

Сейчас они почти не похожи на тех пугающих тварей, что появлялись из шкафов и стен.

Они словно помолодели. Неопрятные пучки и хвосты на их больших круглых головах стали светлее, чище и аккуратнее.

- Нда, — смотрю на “свежевымытые” полы и ужасаюсь.

Деревянные струганные доски на полу за сотню лет по-

крылись жирным вьевшимся налётом. Простая вода и тряпка не могли смыть этого безобразия.

- Марта! — кричу в окно кухни, где Марта с помощницами ставит на огонь очередной котелок. - Нам нужны ножи.

- Ножи? — удивляется экономка.

- Да, — киваю уверенно. - Можно не очень острые. Будем шкрябать полы.

Я помню старые сказки и истории, где говорилось, что хозяйки раньше скребли полы.

Надо попробовать. Хуже точно не будет.

Сажусь прямо на пол, а вокруг меня собирается кружок любопытных эльфискулей.

- С богом, — киваю я и принимаюсь за работу.

Это труднее, чем кажется.

Но уже через полчаса я приноравливаюсь. Сначала немного размачиваю грязь мокрой тряпкой, а после уже самозабвенно работаю ножом.

Всё это время с десятков эльфискули следят за мной и о чём-то перешёптываются на своём скрипучем языке.

А потом просто садятся рядом, достают кто, откуда столовые ножи, ложки, у кого-то в руках появляется серп и принимаются за работу.

Они точь-в-точь повторяют мои движения. Смачивают грязь и после соскребают.

Работа идёт быстрее.

Эльфискули так увлекаются, что уже очень скоро во все

стороны летят деревянные стружки.

- Осторожнее, Эль, — мягко перехватываю за крохотную ручку самое разошедшееся существо. - Нам надо отмыть полы, а не распилить.

Она виновато опускает взгляд и испуганно всхлипывает. Её тонкие, сухие губы дрожат от подступающей истерики.

- О, нет-нет! — осторожно притягиваю её за ручку к себе. - Всё хорошо. Я не сержусь. Я просто боюсь, что мы провалимся в подпол. Вы все большие молодцы!

Я прижимаю её к себе и обнимаю.

- Спасибо вам... — всхлипываю сама. - Без вас я бы не справилась...

Потому что за половину дня дружной и слаженной работы мы смогли выдраить полы в двух палатах, длинном коридоре первого этажа и старинной столовой, где я собираюсь принимать графа.

Эль замирает в моих руках. Испуганная, дрожащая словно тростинка на ветру.

А я прячу лицо в складках её голубого платья и позорно всхлипываю.

И неожиданно ощущаю с десятков объятий.

Поднимаю лицо и вижу, что всё эльфискули, что убирались со мной, осторожно и несмело подходят ближе и обнимают меня. Прижимаются и мурчат.

ОНИ МУРЧАТ!

Глава 11

Поздним вечером мы все собираемся на кухне.

Травы — мята, ромашка, чабрец — собранные Гретой с помощницами в лесу, развешаны сушиться прямо под потолком и придают огромной кухне какой-то особый уют и аромат.

Сверкающие, пахнущие свежим деревом полы, начищенный до блеска столы, шкафы и посуда радуют глаз.

Я не могу сказать, что Марта неряха. Но её сил явно не хватало для того, чтобы навести на огромной кухне необходимый порядок.

Сейчас же здесь всё просто сверкает.

Даже хмурая Грета широко улыбается, когда эльфискули подхватывают друг друга под руки и резвятся в подобию танца.

- День прошёл не зря, — устало улыбаюсь.

- О, мадемуазель Штраус, — всплёскивает пухлыми руками Марта, — конечно, не зря! Посмотрите, как сверкает всё вокруг! А наши девочки, уж как они рады.

Она с улыбкой смотрит на существ, что танцуют рядом.

- Пациенты ворчат, — добавляет холодно Грета, но тут же добавляет мягче, — но и они, бесспорно, рады переменам. Завтра надо заняться палатой фрау Браун.

- Я думаю, мы с Эль быстро справимся, — говорю и заме-

чаю, как эльфискули замирают. Веселье моментально слетает с них.

- Эльфискули не любят заходить в её палату, — качает головой Грета.

- Почему? — удивляюсь я и наблюдаю, как волшебные существа бледнеют и исчезают.

- Сейчас она немощна и практически неподвижна. Но раньше, — фрау Грета мрачнеет, — говорят она терпеть не могла Эль и её сестёр. Постоянно их обижала, била, бросалась в них всем, что попадалось под руку.

И без того тонкие губы Греты поджимаются, а взгляд становится тёмным и недовольным.

Я уже успела заметить, что Грета относится к эльфискулям с какой-то особенной теплотой. Пускай, она не выставит это напоказ, но это чувствуется.

- Кошмар, — шепчу я.

- Поэтому не удивляйтесь, если Эль откажется заходить в палату фрау Браун.

- Ничего, — киваю я. - Справлюсь сама. Правда, я собиралась завтра съездить в деревню, познакомиться с прачкой Бонье, передать ей бельё, если она согласится. А ещё найти плотника...

- Муж мадам Бонье как раз плотник, — кивает мне Марта и кладёт в мою тарелку большой кусок ягодного пирога.

Грета и Эль собрали днём в лесу не только лекарственные травы, но и ароматную землянику, а Марта испекла просто

потрясающий пирог.

Рядом с тарелкой экономка ставит глиняную кружку с молоком. Я вдыхаю божественный аромат и закрываю глаза.

Это так здорово: сидеть на огромной кухне, в хорошей кампании, радоваться продуктивно проведённому дню и лакомиться потрясающей пышной выпечкой!

- Я пойду проведу отца, — поднимаюсь после сытного ужина, киваю женщинам и выхожу.

Отец всё так же лежит на своей кровати, уставившись по-старчески мутными глазами в одну точку.

Удивительно, как ещё не старый и активный мужчина за несколько дней превратился в старика.

Вокруг глаз появились глубокие морщины, губы побелели, нос заострился и пожелтел.

Даже кожа, кажется, стала тоньше и прозрачнее.

- Всё будет хорошо, — беру его ладонь в свои руки и сжимаю.

Он переводит мутный взгляд со стены на меня и едва моргает. В уголках его глаз собираются слёзы.

- Не плачь, — мой голос дрожит, но я запрещаю себе плакать. - Я поставлю тебя на ноги! как ты меня!

Порывисто наклоняюсь и обнимаю его.

И тут же чувствую, как он едва сжимает мою руку в ответ.

- Папа! Папа! — взвизгиваю я. - Ну-ка сожми ещё раз.

Но отец больше не реагирует, откидывается на подушки и прикрывает глаза.

- Я знаю, что ты устал, — киваю я. - Отдыхай. Завтра у нас долгий день.

- Аделина! Мадемуазель Штраус! — из глубины дома раздаётся испуганный крик Марты.

Я задуваю у отца все свечи, кроме одной, прикрываю к нему дверь и бросаюсь обратно на кухню.

Ну что ещё могло случиться.

На половине дороги в меня врзается побелевшая от испуга Марта.

- Что случилось?

- Колодец! — всхлипывает она. - Он сухой?!

- Как сухой? — я не понимаю.

перевожу взгляд с её растерянного лица на пустое ведро в её руках.

- Пересох, за вечер!

- Так не бывает! — возражаю я.

Но экономка только пожимает плечами и трясётся от беззвучных слёз.

- Не надо, Марта! — стараюсь её успокоить, но чувствую, как внутри меня растёт отчаянье.

— Родник в лесу, — за спиной экономки появляется Грета. — До него полчаса ходу... Но если таскать воду самим, мы... — она кивает на эльфискулей, — просто заморимся.

- Я не понимаю, как колодец мог так внезапно пересохнуть, — качаю головой.

Эльфискули выглядывают из стен и опускают уши, их

фартуки вдруг кажутся выцветшими и ещё более жалкими. Даже у самых бойких из них лица вытянулись от беспокойства.

Моё сердце сжимается от тревоги: как теперь жить, где взять воду, как объяснить это отцу, который и так еле держится?

В наступающей тревожной ночи в доме становится холоднее — не от воздуха, а от нарастающей тревоги и беспомощности.

Мне нужно на воздух!

Сейчас я задыхаюсь в стенах лечебницы.

На секунду отступившая безнадёга с новой силой наваливается на меня.

Я выхожу во двор, натянуть на плечи тёплый плащ, и заглядываю в колодец, где прохладная гладь должна отражать яркий свет луны. Но его нет.

Поднимаю камешек и бросаю вниз.

И вместо привычного плеска я слышу звук глухого удара.

В этот момент эльфискуль, вышедшая следом за мной из дома, вдруг замирает, указывает пальцем на одно из окон.

Я едва успеваю проследить за её жестом, как снаружи раздаётся грохот — будто рухнула целая стена.

Дом содрогается, в стёклах дрожит отражение лунного света, и на миг мне кажется, что всё окружающее стало зыбким, ненадёжным, как сон, готовый рассыпаться при малейшем движении.

Лунный свет выхватывает из темноты завал на горной тропе — камнепад полностью перекрыл путь к роднику. Огромные валуны, острые, как клыки, грозно нависают над землёй. Пыль ещё не осела, и в свете луны она напоминает призрачный туман, скрывающий детали катастрофы.

— Нет, — шепчу я, чувствуя, как сердце уходит в пятки. — Это невозможно... Так не бывает! Это... не может быть простым совпадением! Кто мог подстроить такое? Или сама судьба решила сыграть с нами злую шутку?

Эльфискуль жмётся ко мне, её маленькая ладонь судорожно сжимает мой палец. Я ощущаю, как она дрожит, будто осенний лист, сорванный ветром. Но она смотрит не на завал, а за мою спину, и в её глазах отражается такой ужас, что у меня по спине бегут мурашки. Я впервые вижу её такой испуганной — обычно она уверена в себе, даже дерзка, но сейчас страх скользит по её лицу, как тень.

Я медленно оборачиваюсь. Воздух вокруг сгущается, наполняется липким страхом, каждое движение даётся с трудом.

В окне второго этажа, в комнате отца, стоит тень. Высокая, неестественно вытянутая, с распростёртыми руками.

Я знаю, что отец не в состоянии даже подняться с постели, а уж тем более стоять так, глядя в ночь. Тень не двигается, но от неё веет такой холодной угрозой, что ноги подкашиваются.

Кто это тогда? Отец в опасности? Или опасность уже внут-

ри, рядом с ним? Я чувствую, как к горлу подбирается крик, но заставляю себя сделать шаг вперёд, не отпуская ладонь эльфискуль. Нужно действовать.

Глава 12

Я замираю, не в силах отвести взгляд от окна. Тень всё ещё стоит там — неподвижная, зловещая, будто впитавшая в себя весь вечерний сумрак.

Сердце замирает в груди, холод пробегает по венам. Эльфискуль дрожит, а её крошечные пальцы впиваются мне в руку, словно она боится, что я брошу её и кинусь вперёд одна против этой безмолвной угрозы.

— Кто это? — шепчу я едва слышно, боясь, что громкий голос разозлит тень.

Но ответа нет.

Ветер шевелит мои волосы невидимой рукой и предостерегает: «Не ходи туда».

Но уже поздно — ноги сами несут меня обратно в дом. Я бегу, почти поскальзываясь на камнях, забывая обо всём на свете, кроме этого ощущения неотвратимой опасности.

Коридоры лечебницы, ещё недавно казавшиеся мне уютными и родными, теперь дышат угрозой. Каждый скрип половиц отдаётся в висках, а тени, скользящие по стенам, кажутся живыми существами, выслеживающими меня из укромных уголков.

Я поднимаюсь по лестнице, крепче сжимая руку эльфискуль.

— Не бойся, — говорю я, больше для себя, чем для неё.

Мой голос слаб, но в нём звучит упрямство. Я не позволю страху победить меня. Я должна быть сильной — ради отца, ради всех, кто остался.

Дверь в комнату отца приоткрыта. Я толкаю её плечом, сердце колотится так громко, что, кажется, его слышно на другом конце коридора. В голове мелькают самые страшные картины — но в комнате тихо.

Комната пуста.

Нет, не совсем. Отец лежит на кровати, как я его оставила. Его дыхание ровное, лицо бледное — даже слишком бледное, словно из него вытянули всю жизнь. Я стою у порога, пытаюсь понять, что изменилось, почему тревога не уходит.

Но тени нет. Той самой тени, что только что стояла за окном. Я подхожу к стеклу, осторожно прикасаюсь к нему — оно ледяное, на нём нет ни единого отпечатка, ни малейшего следа. Словно всё случившееся — лишь моя фантазия, игра перепуганного воображения.

— Где она? — спрашиваю я у эльфискуль. В её огромных глазах отражается полумрак, тревога и растерянность.

Она только качает головой, прижимаясь ко мне сильнее. Я опускаюсь на колени рядом с кроватью отца и беру его руку. Его кожа горячая и сухая, а пальцы слабо сжимают мои, будто он хочет что-то сказать, но не может найти слова.

— Папа, ты видел что-то? — спрашиваю я, но он не отвечает. Только слабо сжимает мои пальцы, и этот жест кажется мне последней ниточкой, связывающей его с реальностью.

Мы с эльфискуль выходим в коридор. Я не могу просто так оставить это. Кто-то был здесь. Кто-то наблюдает. Я чувствую взгляд между лопаток, слышу в каждом шорохе дыхание чужого присутствия.

— Пойдём, — говорю я. — Надо проверить весь дом.

Мы обходим каждый угол, не пропуская ни одной щели, ни одной тёмной ниши. Я открываю дверь в подвал, где когда-то слышались странные стуки; захожу на кухню, где обычно пахнет хлебом и сушёными травами.

Я даже поднимаюсь на чердак, хотя сердце сжимается от ужаса — там пусто, только шорох мышей и паутина в углу.

Но ощущение, что за нами следят, не отпускает меня ни на минуту. Будто бы тень растворилась в самом воздухе, впиталась в стены, теперь живёт здесь, среди нас.

Вернувшись в свою комнату, я сажусь на кровать, опускаю голову на руки. Всё тело наливается усталостью, и только страх не даёт мне провалиться в забытье.

— Что происходит? — шепчу я, обращаясь то ли к себе, то ли к эльфискуль, то ли к самому дому, в котором больше нет покоя.

Эльфискуль тихо прыгает мне на колени, устраивается там, свернувшись калачиком. Её маленькое, дрожащее тельце ищет защиты и тепла. Я глажу её по голове, чувствуя, как она вся сжимается от страха.

— Ты тоже боишься? — спрашиваю я.

Она кивает, не поднимая на меня глаз.

— Но мы справимся, — говорю я, опять же, больше для себя. — Завтра мы найдём воду. А потом разберёмся с этой тенью.

Но даже мне мои слова кажутся неубедительными. Я повторяю их, чтобы не сойти с ума от беспомощности.

Утро не приносит облегчения. С первыми лучами солнца я выхожу во двор. Колодец всё ещё сухой, родник — недоступен, вода по-прежнему остаётся самой страшной и неразрешимой проблемой.

— Что будем делать? — спрашивает Марта, когда мы собираемся на кухне. Её голос хриплый, глаза усталые.

— Искать другой источник, — отвечаю я, стараясь звучать уверенно. — Или чинить старый.

Грета молчит, но её взгляд говорит красноречивее любых слов: «Это бесполезно». Она качает головой, сжимая губы.

Да, мотивация — явно не её конёк.

Устало опускаюсь на стул и тянусь к кружке с молоком.

Запоздало понимаю, что кроме Греты и Марты в кухне никого нет.

- А где эльфискули? — удивлённо приподнимаю брови.

Обычно такие бойкие, они с самого раннего утра шуршат по углам, помогают и не очень.

- Исчезли, — всплёскивает руками Марта. - Вчера поздно вечером. Все как один.

Внутри растёт и ширится тревога.

Исчезли? Но куда они могли уйти? А главное — почему?

И тут же перед глазами встаёт ужасная тень, что стояла в окне отца, и дрожащая от страха Эль.

Они ушли. Потому что испугались.

Закусываю губу, чтобы не разрыдаться.

Опускаю голову на руку и тяжело вздыхаю. А уже в следующую секунду я чувствую осторожно прикосновение.

Словно кто-то дёргает меня на краешек платья, чтобы привлечь внимание.

- А? — поднимаю голову и вижу их!

Эльфискули!

Все здесь! Они стоят чумазые, уставшие, но у каждой в руках по плошке или ведёрку с водой!

Нет, даже не так!

В их крошечных чашках и ведёрках сверкает серебристая светящаяся жидкость.

- Эль! - Грета опускается перед эльфискулями на колени и заглядывает в их посуду, — вы нашли источник?

- Мы спасены! — всхлипывает Марта и бросается обнимать меня.

- Мы спасены! — повторяю за ней я, забирая из рук Эль чашку с прозрачной серебристой жидкостью.

Глава 13

Эльфискули столпились вокруг меня, их крошечные лица сияют гордостью, а в руках они сжимают кружки и ведёрки, полные прозрачной, ледяной воды из найденного неизвестно где источника. Вода играет на солнце, искрится, будто жидкое серебро — настоящий подарок для уставших и измученных обитателей лечебницы.

- Но где? — выдыхаю я, опуская пальчики в жидкое холодное серебро, до конца не веря в такое чудо.

Эль смущённо пожимает плечами и молчит. Её сёстры переминаются с ноги на ногу и протягивают нам свою “добычу”.

— Вы настоящие спасители! — Марта не выдерживает, хватая ближайшую эльфискуль двумя руками и начинает целовать, оставляя на её щеке заметное мучное пятно. Волшебное существо сначала замирает от испуга и смущения, но уже через минуту довольно улыбается. — Теперь мы спасены! Да и вообще, хоть умоемся как люди! И наши постояльцы! Это же вода из пропавшего источника! Предания гласят, что она может исцелять!

Всего в паре слов Марта и Грета рассказывают мне, что с момента основания старой графиней Стрэйд, лечебница славила ванными из серебряной воды. Магический источник, что бил прямо из камней под самым фундаментом лечебни-

цы.

Но после страшной бури и камнепада источник, как считалось, исчез навсегда. Никакие раскопки не смогли найти ни капли воды. И никто не знал, куда она могла исчезнуть.

В той страшной буре погиб кто-то из родных графини, и она потеряла всякий интерес к лечебнице и пациентам. А вскоре сбросилась со скалы с этого же самого места, где когда-то бил источник.

- Но это скорее печальная легенда, — добавляет Грета. - Она передаётся из уст в уста не одним поколением графов Стрэйд. Но нет ни одного документального подтверждения этому. Источник был, а всё остальное - не более, чем вымысел.

И вот сейчас эльфискули нашли его! Вернули нам надежду и жизнь в наш крошечный мирок!

Смех, облегчение и общее оживление едва начинают разливаться по кухне, когда вдруг всё резко обрывается — в дверь кто-то стучит.

Звук короткий, деловой, будто в дверь стучится сама судьба. На пороге стоит почтальон — мужчина с усталым лицом, в выцветшей форме, но с очень важным видом. В руках у него толстый конверт, запечатанный гербовой печатью, которую я узнаю сразу.

Беру письмо из его рук. Пальцы дрожат. Осторожно разрываю конверт, разворачиваю лист.

"Граф Стрэйд и инспектор Императорской медицинской

службы посетят лечебницу завтра. Ожидайте их к вечеру. Они пробудут ровно сутки для детальной инспекции."

Тишина накрывает кухню тяжёлым, вязким одеялом.

Даже эльфискули, обычно неугомонные, стоят, не шелохнувшись, только уши у некоторых мелко подрагивают. Ну точно у кошек.

— У нас нет денег на приём графа! На такой длительный приём... — первой нарушает молчание Грета, забирая из моих ослабевших рук письмо и перечитывая его ещё раз. - Проклятье!

Она сжимает письмо в кулаке так сильно, что бумага жалобно хрустит. В её голосе отчаяние и злость, усталость и страх.

Марта медленно кивает, опуская глаза, и нервно мнёт уголок передника.

— Да... лучшие комнаты завалены хламом, из продуктов только мука да сушёные яблоки... Ну разве что чай из трав, если поискать...

Я заставляю себя выпрямиться и говорю твёрдо, хоть внутри меня всё дрожит:

— Действуем по плану, — делаю вид, что абсолютно уверена в успехе. — Марта, ты отвечаешь за стол и размещение гостей. Грета — проверьте палаты, подушки, бельё. Приведите пациентов в порядок. И переберите ещё раз наши лекарства. Эльфискули, вы помогаете на кухне и в палатах!

Все дружно кивают.

- А я поеду в деревню. Отвезу бельё прачке Бонье, переговорю с её мужем...

- Я соберу несколько заказов для постоянных клиентов, — Грета подхватывает подол и направляется к входу. - Дам вам ещё адрес местного аптекаря и несколько мешочков с сушёными травами для него. Он покупает их у нас как сырьё за гроши, но это всё-таки деньги.

Я киваю, подхватываю из рук Эль кружку с жидким серебром и иду провести отца.

Он уже не спит. Его серый уставший взгляд бродит по комнате, словно не узнаёт её.

Его белоснежные брови сдвинуты на переносице.

Увидев меня, он открывает рот и старается приподнять дрожащую руку. Но в бессилии роняет её обратно на постель.

- Ты как? — я сажусь рядом с ним и поправляю ему подушки.

Он что-то мычит мне, а после просто кивает.

В его серых безжизненных глазах встают слёзы.

Он злится от своей беспомощности. Ещё совсем нестарый мужчина, опора семьи оказался прикованным к кровати. И он не может себе этого простить.

Я вижу это по плотно сжатым губам, но глубокой складке на лбу и по растерянности во взгляде.

- Вот, — подношу к его губам чашку, — выпей. Это вода из источника...

Зачем-то я пересказываю ему старинную легенду. Рассказываю, как в давние времена эта вода поднимала людей на ноги за считанные дни, о старой графине и о том, что он обязательно поправится.

Отец делает несколько глотков и снова откидывается на подушки.

Любое действие отнимает у него много сил. Но он очень старается.

- Я оставлю тебя, — наклоняюсь и поправляю его одеяло. - Мне нужно в деревню. Марта присмотрит за тобой. Держись.

Улыбаюсь ему на прощанье и выхожу.

Спускаюсь по высоким ступенькам на задний двор, здесь Арнольд - долговязый рыжий парнишка, внук Марты, уже сидит на козлах старенькой повозки и терпеливо ждёт меня.

Проверяю мешки и свёртки в повозке: грязное бельё, старенькие занавески, покрытые пылью и паутиной, холщовые мешочки с сушёными травами и крошечные глиняные бутылки с настоями и приклеенными сверху именами заказчиков.

- Арнольд знает каждый дом в деревне, он мигом доставит вас до нужных адресатов, — тепло улыбается Марта.

Её внук деловито кивает.

Прямо перед повозкой появляется удивлённо личико Эль. Она с интересом разглядывает лошадь, гладит потемневшее дерево оглоблей.

- Поедешь со мной? — зову её я.

В её огромных глазах вспыхивает такое счастье, что его

сложно передать словами. Она оборачивается к Марте, словно спрашивая разрешения.

Но экономка качает головой.

- Нет, Эль, — говорит она.

А я удивлена такому ответу.

Одна эльфискуль погоды при уборке не сделает.

- Эль — часть лечебницы и не может существовать вне её стен.

- Но... — удивлённо моргаю я.

- Старинный особняк, двор, надворные постройки, лес — это всё территория старинной лечебницы, места, пропитанные магией старой графини. Но дальше, в деревню Эль войти не сможет.

- Магический барьер? — хмурюсь я.

- Нет, — снова качает головой Марта и кладёт мягкие пухлые ладони на подрагивающие от обиды плечики Эль. - Чем дальше от лечебницы, тем меньше сил будет у эльфискуля. Она будет вялой, слабеть на глазах, пока не рухнет вам на руки и не исчезнет.

- Совсем? — произношу я в ужасе.

- Не могу сказать, — грустно улыбается Марта. - Возможно, она наберётся сил и вернётся к нам в лечебнице. А, возможно, исчезнет навсегда. Мы не ставили таких опытов.

- Тогда откуда?

- Это написано в заметках наследников графини. Когда в бурю пропал сын графини, все врачи, медсестры, эльфиску-

ли и деревенские отправились его искать по оврагам и ущельям. Там они потеряли несколько эльфискулей. и они уже не вернулись. Упали без сил и растворились в дымке.

Эль испуганно шарахается в сторону.

А я трогаю Арнольда за плечо, и мы трогаемся.

Глава 14

Дорога до деревни тянется и петляет по вересковым пустошам. Вокруг мёртвый покой и тишина.

Пока с дороги виднеется мрачный силуэт старинной лечебницы, неслышно пения птиц или шороха в кустах.

Здесь словно нет жизни. Совсем.

И это странно.

Но расспрашивать мальчика об этом я не решаюсь.

Хватит для меня сегодня странных и страшных новостей.

Но стоит нам въехать в небольшой лесок, как словно кто-то включает громкость на полную. После мёртвого покоя меня оглушает пение птиц, стрекотание кузнечиков, шелест травы и шорохи живой природы.

Странно. Очень странно!

Деревня показывается за следующим поворотом.

Как-то резко заканчивается лес и прямо перед нами вырастает мельница с огромными колёсами и лопастями, что приводит в движение вода в небольшой речке.

А дальше стоят небольшие, но добротные домики деревенских жителей. Низкие хатки, с соломенной крышей, или небольшие терема из сруба.

Надежда теплится внутри меня — вдруг кто-то согласится помочь по старой дружбе или хотя бы в долг.

Первыми мы посещаем мельника.

Я выдаю ему два пузырька с настойками от суставов и узнаю, какой у нас договор на муку.

Ничего приятного мельник сказать мне не может.

Мы и так уже несколько месяцев берём у него товар в долг.

Плата за настойки мизерная и не может покрыть долг. Но в честь нашего знакомства он дарит мне небольшой мешочек муки и просит не обижаться. Ведь ему тоже нужно кормить семью.

Я с радостью принимаю мешочек, незаметно взвешивая его в руке. Не больше двух килограмм. Но даже этому я рада. Хотя бы графа с его спутницей мы сможем накормить.

Прачка Бонье встречает нас на улице.

Пышногрудая босая женщина, с заправленными за пояс юбками, она мнёт красными от холодной воды белоснежные тряпки в деревянном корыте.

- Приятно познакомиться, — улыбается она. - Обстирать вас взамен лекарств для мужа?

Она щурится, прикидывая выгоду.

- Хорошо, в этот раз я вам помогу, — она выплёскивает зольный щёлок в кадку с бельём и взбалтывает содержимое палкой. - Но лекарства мы заказываем раз в седмицу. А бельё вам нужно стирать регулярно. Благотворительностью я не занимаюсь.

- Да, да, конечно, — киваю я и делаю знак Арнольду тащить тюки с бельём, пока прачка не передумала.

- Простите, — улыбаюсь как можно примирительнее, —

вы не подскажите, где мне найти вашего мужа.

- Зачем он вам? — её поза не меняется, и даже улыбка остаётся на месте. Но голос наполняется сталью.

- Я слышала, что он лучший в деревне плотник, а нам...

- Он не работает в долг, — отрезает она, — разворачивая наши узлы и высыпая белье прямо на траву.

- Но я бы хотела узнать цены... — не отстаю я.

На что прачка поджимает пухлые губы и кивает в сторону огромной деревянной мастерской.

- Огромное спасибо, — киваю я и, подобрав длинные юбки, иду переговорить с её мужем.

В мастерской вкусно пахнет свежеструганным деревом, на стенах висит всевозможный инструмент, а в глубине за верстаком стоят плотник и стайка ребят — его дети. Их невозможно спутать. У всех огромный нос картошкой, как у отца, и цепкий взгляд, как у матери.

Плотник Бонье слушает мою просьбу, медленно пожёвывает усы, глядит исподлобья и вытирает ладони о фартук. Когда я заканчиваю, он протягивает листок с расчётом — и у меня буквально стынет кровь. Это почти половина нашего месячного бюджета.

— Мы заплатим позже, — пытаюсь я торговаться, чувствуя, как щёки горят от стыда.

— Тогда и работа позже, — спокойно отвечает он.

- Но завтра приезжает граф с инспекцией! — я заламываю руки в отчаянье. - А в лечебнице нет ни одного целого стула.

Вы бы нас очень выручили...

- Граф? — крикает плотник.

- Да, — киваю я. - Новый граф Стрэйд вступает во владение наследством. И решил провести инспекцию своих владений... прошу.

Мой голос дрожит. Я не играю.

Я, правда, в отчаянье.

- Хорошо, — наконец, дожевав усы, соглашается плотник.

- Марко, Энтони, запрягайте телегу, поедите со мной!

- О, — я готова броситься к нему с обнимашками, и только незнание местных обычаев останавливает меня. - Огромное вам спасибо! Огромное...

Я как китайский болванчик киваю ему и пачусь со двора семейства Бонье, пока столяр не передумал.

Чувствую, как между лопат жжёт от недовольного взгляда его жёны. Но предпочитаю не оборачиваться, от греха подальше.

Дальше Арнольд везёт меня к заказчикам.

Местная юродивая старуха встречает меня давно ослепшим взглядом и невнятным приветствием, вкладываю в её сухие ладони глиняный флакон и ухожу без денег. Что с неё взять?

А вот местная кумушка Бушаро кудахчет, как её наседки и в благодарность за настойки для сына выносит мне небольшую корзинку яиц.

Пускай они не отборные, наоборот, самые мелкие, от мо-

лоденьких кур. Но это целое сокровище. И оно вдвойне ценней от того, что это от чистого сердца.

Благодарю кумушку, и мы двигаемся дальше.

У кузнеца я получаю четверть монеты за настойку и скупое пожелание доброго дня.

Ну ничего! Он заплатил, а любить меня не обязан.

Так, от дома к дому, от лавки к лавке моё настроение медленно приподнимается.

Из повозки исчезают мешки, пустуют корзины с глиняными флаконами, зато появляются новые. Мешочек с мукой, корзинка с яйцами и свежие помидоры от юродивой старухи, что шаркая, нагнала нас у самого края села и, недовольно буркнув что-то, вручила мне шесть просто огромных розовых томатов.

Да это целое богатство!

Последним остался деревенский аптекарь.

Арнольд останавливается перед его воротами и наотрез отказывается ехать дальше.

- Но нам надо отнести ему сухие травы, — я удивлённо вскидываю брови. Но переубедить мальчика не могу. Он хмуро смотрит на меня исподлобья.

- Я буду ждать вас здесь, мадемуазель. А старый колдун может и сам выйти за травами, ежели они ему так нужны.

При этом мальчик три раза качает головой, сплёвывает и показывает дому аптекаря фигу.

Да уж, что же это такое?

Теперь уже и я думаю, стоит мне туда идти или нет?

Глава 15

Выбор у меня невелик!

Или идти к аптекарю и пытаться выторговать у него пару лишних медяшек.

Или испугаться и привезти домой все мешки и корзины с сушёными травами, что Грета с таким трудом собирала и сушила.

Ну уж нет!

Подбираю юбки и спрыгиваю на сухую пыльную землю.

Старенькие туфли Аделины совсем износились, в запасе у меня есть ещё одни, выходные. Но боюсь, они и пары дней не выдержат в лечебнице.

Думать о покупке новых я боюсь. В лечебнице целая куча дел, папа болен, старенькая кровля нуждается в ремонте, вся мебель колченогая, наших постояльцев нужно чем-то кормить. А у нас перед мясником остались долги от прошлого врача.

Я решительно направляюсь к небольшому двухэтажному домику.

Не доходя до него нескольких метров, под раскидистым деревом замечаю привязанную чёрную лошадь. Величественное животное с дорогим седлом и уздечкой.

Я не знаток лошадей и сбруи. За то недолгое время, что я провела в этом мире, я не научилась даже в седле сидеть.

Но разницу между нашей голодной клячей с впалыми боками и этой красоткой заметить в состоянии.

Хм, а аптекарь не бедствует. Или это не его лошадь?

Тогда чья?

У аптекаря гости?

Очень не вовремя! Не хотелось бы решать свои вопросы при посторонних, тем более торговаться! А времени ждать у меня нет, в лечебнице масса работы.

Быстро поднимаюсь по ступенькам, успеваю занести руку для стука, но в этот момент дверь распахивается.

Я теряю равновесие от неожиданности и падаю вперёд.

Испуганно вскрикиваю и зажмуриваюсь.

Короткий миг падения неожиданно обрывается, меня кто-то ловит.

Кто-то очень сильный сжимает меня крепкими руками, ставит на место и...

- Вам сто́ит быть внимательнее, мадемуазель, — отчитывает меня строгий надменный голос.

- Что, простите? — от неожиданности я распахиваю глаза и вижу перед собой темноволосого молодого мужчину.

Его длинные волосы собраны в низкий хвост на затылке, без сомнения, дорогой тёмный камзол выглядит довольно строго для местной знати и неожиданно застёгнут на все пуговицы.

Его длинные пальцы всё ещё сжимают мои плечи, впиваясь в тонкую ткань платья.

А от его прикосновения меня бросает то в жар, то в холод.

Пронзительный тёмный взгляд незнакомца быстро пройдёт по мне и соскальзывает куда-то за мою спину.

- Я говорю, — мужчина отпускает мои плечи, бесцеремонно отодвигает меня со своего пути и быстро спускается, — что молодой девушке разумно вести себя более сдержанно. Не налетать на незнакомых мужчин и вообще не слоняться в одиночестве, чтобы избежать сплетен!

- Да? — мои брови ползут вверх. - А мне казалось, что сдержанность украшает всех молодых людей. Будь то девушка или мужчина! А сплетни — удел скудоумных людей.

Я вся горю от обиды и ярости.

Сама не знаю, что меня так обидело: его слова, презрительный тон или пренебрежение во взгляде.

Нет, я не желаю, чтобы все мужчины падали к моим ногам. Но даже грубый кузнец нашёл пару учтивых фраз, а здесь какой-то... какой-то...

Ещё раз смотрю на мужчину и не могу понять, кто он и откуда.

Явно знатный, но кто?

В округе полно шевалье и мелкой знати.

- Пускай образование стоит денег, но хорошие манеры можно привить и бесплатно! Но, видимо, вас обходит стороной всё, за что вы не можете заплатить! — заканчиваю свою гневную речь.

Я вижу, как мои слова задела мужчину. В чёрных как сама

ночь глазах вспыхивают опасные искры. Он скалится, стягивает с руки перчатку и...

Я неосознанно делаю шаг назад и упираюсь в дверной косяк спиной.

Сердце в груди стучит так часто и тревожно, словно чувствует, что я разбудила зверя.

Мужчина вытягивает вперёд ладонь, сжимает её в кулак, сверкнув массивным перстнем с тёмным камнем.

В мутном минерале на долю секунды вспыхивают старинные руны и тут же гаснут. А рядом с мужчиной оказывается его лошадь. Отвязанная и уже готовая двинуться в путь.

Но как?

Ведь рядом нет ни конюха, ни слуги!

Незнакомец ловко запрыгивает в седло и оборачивается на прощанье.

- Примите от меня **БЕСПЛАТНЫЙ** совет мадемуазель, чтобы выйти замуж, хоть иногда держите свой острый язычок на привязи. Я почти уверен, что это вам поможет!

Ах он нахал! Мои щёки вспыхивают, а шею заливают жаром стыда и возмущения.

Вот наглец!

Моего ответа незнакомец не дожидается, прищпоривает лошадь и уносится прочь.

Я так и замираю с яростно бьющимся сердцем и пунцовыми щеками. Наглец!

как хорошо, что я его больше не увижу!

- Смею предположить, сударыня, — позади меня раздаётся скрипучий голос, — что вы - мадемуазель Штраус.

Я оборачиваюсь и на пороге замечаю невысокого сгорбленного старика с хитрыми серыми глазами и услужливой улыбкой на тонких губах.

- Так и есть,— киваю ему дружелюбно. - А вы, должно быть, господин Хёрб — аптекарь.

Он смеётся в ответ трескучим смехом, польщённый моим приветствием.

- Просто аптекарь Хёрб, мадемуазель. Или дядюшка Хёрб, как вам удобно.

- Договорись, дядюшка Хёрб.

В очередной раз подмечаю, как вспыхивают удовлетворением хитрые серые глаза аптекаря.

- Что же это я держу вас в дверях? — он всплёскивает руками. - Прощу, мадемуазель Штраус.

Я с удовольствием принимаю его приглашение и с ещё бóльшим удовольствием принимаю чашку ароматного травяного чая.

Устраиваюсь в старом скрипучем плетёном кресле и наслаждаюсь минуткой покоя.

Внутри жилище аптекаря полностью отвечает моим представлениям.

Огромный светлый зал по периметру заставлен массивными стеллажами, на полках которых стоят всевозможные баночки, скляночки и глиняные пузырьки с аккуратными бир-

ками.

В стороне стоит рабочий стол с аптечными весами и навесками. Стопкой лежит тончайшая бумага для порошков, а под потолком сушатся ароматные травы.

- У вас очень уютно, — говорю с улыбкой и делаю большой глоток вкуснейшего чая. - Простите, что вы добавили в чай, я никак не могу понять. Он такой насыщенный и ароматный.

- О, — снова довольно щурится аптекарь. - Это не совсем чай. Скорее отвар. Я завариваю в чайнике веточки фруктовых деревьев и кустарников. Вишня, слива, смородина вместе дают неповторимый вкус и аромат.

Я жмурюсь от удовольствия и решаюсь начать разговор.

- Дядюшка Хёрб, я приехала не с пустыми руками. Мадам Грета передала для вас сушёные лесные травы.

- Замечательно, — потирает руки аптекарь. - И где же они?

- В повозке, мне трудно было их донести, а Арнольд... — я мнусь. Мне совсем не хочется упоминать о том, что сказал мальчик.

- Боится идти ко мне в дом, — словно читает мои мысли аптекарь, — и называет колдуном.

- А вы колдун? — я ставлю чашку на стол и подаюсь вперёд.

Внутри вспыхивает интерес.

- Нет, мадемуазель, — качает головой старый аптекарь. -

Но кое-что могу!

Он берёт в руки мою пустую чашку, провидит над ней рукой и что-то бормочет.

Пас и чашка сверкает белизной. Ни капли чая. Ни единого развода!

- Как вы это сделали? — мои глаза округляются.

Но аптекарь только улыбается в ответ.

Ещё раз проводит раскрытой ладонью над чашкой и ещё что-то шепчет. И чашка вновь наполняется ароматным чаем.

- Это поразительно! — я беру из его рук чашку, нюхаю напиток и пробую на вкус.

Чай! Точно такой, как я пила до этого.

- Ничего необычного, — посмеивается аптекарь. - Простая бытовая магия.

- Бытовая? — я заинтересованно подаюсь вперёд.

- Для помощи в бытовых делах. Уборка, стирка, готовка...

- Вы сказали, уборка? — не вижу себя со стороны, но знаю — что в эту минуту у меня заблестели глаза.

В этом мире существует бытовая магия! Почему же я о ней не знала?

Ведь лечебницу можно привести в порядок по щелчку пальцев!

- Для крупных преобразований, ремонта и починки нужны большие силы, заклинание должен читать маг. Но и в этом случае не всё поддаётся магии, что-то должно быть сделано руками, — огорчает меня аптекарь.

- Но вот это, — я указываю на чашку, — простое действие, не требует магических навыков?

- Хм, не знаю, — посмеивается аптекарь. - У меня есть небольшие умения. Мне их вполне хватает.

- О, дядюшка Хёрб, научите меня! — в своих мыслях я уже вижу, как по щелчку пальцев, если не ремонтирую лечебницу, то, по крайней мере, привожу её в относительный порядок.

- Всё в этом мире имеет цену, мадемуазель, — шурится старичок.

А я мрачнею. Лишних денег у меня просто нет.

- Ваша цена? — спрашиваю я осторожно.

- Все корзины с высушенной травой, что привезли для меня.

- Всё? — я распахиваю глаза. - Дядюшка Хёрб, помилуйте! Это всё, что у меня есть!

- Хм, — аптекарь потирает подбородок. - Я возьму бесплатно ровно половину сырья за то заклинание, которое у тебя получится.

Я судорожно соображаю, что это значит. Но времени взвешивать все за и против у меня нет. Поэтому протягиваю ладонь, и дядюшка Хёрб скрепляет наш договор рукопожатие.

И битый час я, коверкая непонятные слова, пытаюсь прочитать заклинание чистоты. Меняю ударения, проглатываю окончания или выплёвываю их в совершенно неподходящий момент. Пробую снова и снова, пасуя над грязной чашкой.

Но ничего не меняется.

А старый аптекарь только посмеивается надо мной.

- Держите, мадемуазель, — он протягивает мне другую бумажку с новым заклинанием, которое он только что нацарапал для меня.

Оно короче и легче.

Со второго раза кружка сверкает чистотой!

- Получилось! Получилось! — взвизгиваю я от счастья.

- Я так и знал, что ЭТО сработает, — кивает аптекарь. -
Дайте ладонь, мадемуазель.

Я покорно протягиваю руку. Аптекарь заставляет меня опустить в чашку указательный палец и провести по стенкам.

Хм. Странно. Кончиком пальца я касаюсь чего-то мокрого и тёплого, как остатки чая.

Да и на стенках словно есть налёт. Но чашка чиста! Я её очистила!

- Это иллюзия, — расстраивает меня аптекарь. - Чашка так и осталась грязной, но вы создали иллюзию чистоты. Для заклинания чистоты нужны минимальные магические навыки, а у вас их, к сожалению, нет.

- Но зачем мне иллюзия? — чуть не плачу я.

- Как зачем? — крикает аптекарь и потирает ладони. -
Чтобы впечатлить графа. А уж настоящий порядок будете наводить после его отъезда! Пойдёмте за моей платой. И посмотрим, сколько я вам остался должен, мадемуазель!

Старый плут потирает руки, накидывает на плечи вязаную

шаль и распахивает передо мной дверь.

Он с самого начала знал, что мне нужна магия для заклинания чистоты и просто развёл меня! Но делать нечего! Договор состоялся. Мне придётся просто так отдать ему половину сырья за иллюзию. Интересно, а иллюзия сырья его не удовлетворит?

Глава 16

Возвращаюсь в лечебницу уставшая, но вполне довольная собой.

Аптекарь заплатил за наши травы меньше, чем я хотела с него взять. Но всё-таки заплатил. К тому же продал мне заклинание иллюзии чистоты.

Хм, что, если прикинуть уже неплохо.

На первом этаже мы навели порядок. А вот второй, третий и чердак пока не трогали. Так почему бы не попробовать преобразить их иллюзией?

Так я и поступлю!

В деревне я успеваю купить немного овощей и соли. Для графского стола.

Есть пресную еду очень сложно. А соль стоит огромных денег.

Оставшиеся медяшки жалобно звенят в моём кошельке. но меня это не огорчает.

Наша повозка непустая! Значит, встретить графа мы сможем. И угощения приготовим. Пускай скромные, но вкусные!

Уже в глубоких сумерках Арнольд останавливает повозку у крыльца лечебницы.

мне навстречу спускается марта и Эль с сёстрами.

- А Грета? — спрашиваю я испуганно, разглядывая чума-

зые мордашки наших помощниц.

- Она у фрау Браун. Старушке неможется с самого утра, — качает головой Марта. - Как бы она не стала следующей...

Следующей для чего, я разумно решаю не уточнять. Передаю восторженно охающей экономке мешочек с мукой и корзинку с яйцами. Остальное Арнольд уже стягивает вниз и тащит на кухню.

- Но как? — глаза экономки удивлённо округляются. А уж когда она видит сочные мясистые помидоры, то ещё и рот открывает.

- Наши заказчики оказались не способны заплатить деньгами, но с удовольствием угостили нас тем, что у них есть, — пожимаю плечами.

- Невероятно. Доктору Скрулу никогда не предлагали ничего подобного... - Марта складывает в передник томаты и осторожно придерживая корзинку, идёт в сторону кухни.

А я сдёргиваю с головы простую косынку и иду к центральному крыльцу.

оттуда быстрее и проще попасть в жилые комнаты.

Стоит мне подняться по скрипучим ступеням, как я вздрагиваю от чужого присутствия.

Что-то холодное и тёмное поджидает меня в тёмном коридоре.

- Кто здесь? Грета? Эль? — мой голос дрожит. - Марта?

В дальнем углу сгущаются тени, сливаются и наслаиваются, пока не вырисовывается силуэт высокого, худощавого

мужчины.

Сердце испуганно колотится в груди. А горло сжимает спазм.

Я не могу крикнуть и позвать на помощь.

Просто застываю напротив тени.

- Берегись, — хрипит он, не открывая тонких бледных губ. - Берегись, ты следующая...

Шипит и исчезает. Словно его и не было.

Что за чёрт!

Я судорожно вздыхаю и выскакиваю на улицу.

- Что это было? — прикладываю ладонь к груди и пытаюсь отдышаться.

- Мисс... — на плечо мне ложится чья-то тонкая костлявая рука.

Я взвизгиваю и резко оборачиваюсь.

За моей спиной стоит Грета и вопросительно поднимает одну бровь.

- Что-то случилось? — спрашивает она хорошо поставленным голосом.

- Нет, — качаю головой. - То есть да... Я видела тень, кажется...

- Тень? - Грета приподнимает вторую бровь.

- Да, мужчина вроде...

- Мисс Аделина, это очень старая лечебница. И как мне не горько это признавать, смерть — частый гость этих стен. Не удивительно, что не упокоенные призраки могут являть-

ся живым.

- Но он...

- Как ваша поездка? — она решительно не настроена продолжать разговор.

- С переменным успехом, — киваю ей.

- Познакомились с господином Хёрбом?

- О да, — морщусь от досады на наш с ним обмен.

- Вот и чудесно. Обычно общение с господином Хёрбом ложится на плечи врача. Но пока ваш батюшка ещё слаб, вам придётся взять это общение на себя.

- Как скажете, — медленно выдыхаю. - Как папа?

- Вам не сказали? — она снова вскидывает тонкую тёмную бровь.

А у меня в груди снова разливается беспокойство.

- Не сказали что?

- Идёмте, — она разворачивается и исчезает в тёмном нутре лечебницы.

- Грета, подождите! — бросаюсь за ней. - Что с папой? Да подождите!

Звук её шагов тонет в дробных ударах моего пульса, что бьётся в висках.

Я бегу на ощупь по тёмным коридорам и влетаю в комнату отца со слезами на глазах.

А он...

- Папа? — я падаю на колени прямо на коврик перед стареньким креслом, на котором сидит отец.

Сидит! Сам!

- Ада, — улыбается он слабо. Но улыбается.

- Но как? — в моих глазах стоят слёзы.

Доктор Альберт фон Штраус без посторонней помощи сидит в кресле.

Его ноги накрыты пледом, а руки покоятся на подлокотниках.

Как только я оказываюсь перед ним, он протягивает ко мне одну руку. А вторая заметно дёргается и безвольно повисает плетью.

По лицу отца проходит тень. Уголок губ подрагивает и опускается.

Он парализован. Частично.

Но это невероятно!

Утром, когда я уезжала, он сам не мог даже приподняться на кровати. Приходилось нам с Эль или Гретой поднимать его и подкладывать подушки.

А сейчас!

Он разговаривает!

- Это всё Эль, — раздаётся за моей спиной заметно смягчившийся голос Греты.

- Но как?

- Серебряный источник. Его вода раньше была жемчужинной лечебницы. Она снимает любые недуги, но нужно время. Первый эффект самый сильный. Дальше всё будет происходить медленно и едва заметно. Но теперь я не сомневаюсь,

что мы сможем поставить доктора Штрауса на ноги.

В ответ она получает от отца такой горячий и полный вос-
торга и благодарности взгляд, что смущается. На высоких,
бледных скулах Греты появляется румянец, и она спешит от-
кланяться.

А я обнимаю отца. Крепко-крепко. И решаю. Что за эту
лечебницу точно сто́ит бороться.

И перед сном у меня есть ещё одно важное дело.

Я прощаюсь с отцом, закатываю рукава дорожного платья
и поднимаюсь в огромный зал на втором этаже.

всё, что мы успели здесь сделать — это смести пыль с пола
и собрать паутину с углов.

Встаю посередине комнаты, достаю из кармана бережно
сложенный листок и приступаю.

“Чту свет и тень. Создам покров, где правда – тень, обма-
ну — взор, сердцам — покой.

Иллазио грано, будь со мной!”

Я жду вспышки, света, блёсток. Хоть чего-то!

Но нет!

Всё та же грязная комната.

- Ну дядюшка Хёрб, — шиплю зло. - Погоди же...

Мну в руках бумажку и отбрасываю её в сторону. И здесь
наколел, старый пройдоха!

Я слышу стук приземления комочка на пол. Но не вижу
его.

Стоп. Что?

Я разворачиваюсь, присматриваюсь и понимаю, что пол чист.

Наклоняюсь и прикасаюсь к свежим доскам пальцами, потом поднимаю их ближе к глазам.

Естественно, они покрыты слоем пыли, пускай и небольшим.

- Вот ты пройдоха, Хёрб, — шиплю сквозь зубы и шарю по полу руками, в поисках бумажки с заклинанием.

- Значит, чтобы сработало, мне надо прикоснуться к объекту! Ну погоди, чудо-аптекарь! — краснею я, представив, как всю ночь бегаю по этажам лечебницы, тысячу раз повторяю заклятие и трогаю всё, что попадаетеся по пути.

Но это работает! За час я “привожу в порядок” весь зал. Пускай это только иллюзия, но если не пытаться сесть на стул и не пододвигаться к колченомому столу, то всё кажется приличным.

В фасетчатые окошки с тонкими деревянными рамами проникает яркий свет полной луны.

И зал преображается.

Лёгкие занавески колышутся на ветру, лунный луч скользит по тяжёлой скатерти на круглом столе, соскальзывает на резную ножку, движется дальше к старинному книжному шкафу, играя на позолоченных корешках старинных книг.

Да, это иллюзия.

Но какая!

Всё так и выглядело когда-то давно! Тогда, когда лечеб-

ница была только построена!

Обхватываю себя за плечи и кружусь по залу, напевая себе под нос мотив вальса...

Кружусь и заливаюсь весёлым смехом. Впервые за много месяцев.

Мне неожиданно становится так легко.

Наверное, потому, что прямо сейчас я ощущаю себя принцессой, которая сама творит сказку и, взмахнув волшебной палочкой, создаёт красоту вокруг себя!

И эта так чудесно и так...волшебно... что я забываю обо всём и кружусь, кружусь по залитой лунным светом зале.

Глава 17

Утром просыпаемся рано.

Всё без исключения.

Сегодня вечером приезжает граф, а дел ещё очень много.

Весь день лечебница гудит, как растревоженный улей — все снуют туда-сюда, двери хлопают, в окнах мелькают силуэты эльфискулей. Каждый занят делом.

Марта мечется между кухней и кладовой.

Её русые волосы выбиваются из-под косынки, на лице мука и беспокойство:

— Грибной суп... Пирог с яблоками... О, томаты! — она радостно всплёскивает руками, но тут же хмурится. - К ним бы кусочек мяса... и базилик...

- Марта! — перехватываю её руки и мягко сжимаю. - У нас есть баклажаны?

Она удивлённо моргает и кивает.

- Отлично, — улыбаюсь я, придумывая, чем мы сможем удивить графа. - А сливочное масло.

- Есть.

- Отлично! Нам нужен лук, морковь, немного чеснока, ложка сахара и пара щепоток соли.

Брови Марты удивлённо приподнимаются.

- О, это будет объеденье, — улыбаюсь ей и рассказываю, как стоит порезать овощи для баклажанной икры. Моей лю-

бимой.

Марта недоверчиво щурится, но загорается идеей. Переспрашивает, уточняет и потирает руки.

Отлично!

В огромном сотейнике уже растапливается кусочек сливочного масла для обжарки овощей.

Грета, вооружённая тряпкой и голосом, который способен поднять из мрака даже самые ленивые тени, гоняет эльфискулей по палатам:

— Выбросить эти лохмотья! Протереть окна! Вон ту паутину тоже! — её голос разносится по коридорам, будто боевой клич.

Даже престарелые пациенты проникаются важностью момента. Меньше ворчат и почти не ругаются друг с другом.

Я занимаюсь "апартаментами для графа" — двумя комнатами на втором этаже.

Да, половину ночи я потратила на иллюзорное "наведение порядка" на втором этаже. Так увлеклась, что не смогла лечь спать, пока не прикоснулась ко всему на этаже.

Но вот покои графа должны быть отмыты до блеска по настоящему.

Когда-то здесь были покои старой графини, когда она приезжала в лечебницу с инспекцией, а теперь склад рухляди.

Но ничего! Мы справимся!

Старые ковры мы выносим во двор, перекидываем через старенький забор и выбиваем — эльфискули быют по ним

палками, захлёбываясь от смеха и пыли, пока я не прикрываю.

На чердаке находится ковровая дорожка в едином стиле.

Безжалостно отрезаю от неё кусок, побитый молью и, стелю у самой графской кровати.

Эльфискули, замотавшись в тряпки, выскребают пыль из щелей, чихают, толкают друг друга и спорят, кто лучше чистит пол. Два раза проливают ведро, три раза роняют веник, но всё-таки работа спорится.

Распахиваю окна, чтобы выгнать пыль и проветрить комнаты.

Грета приносит вазы с душистыми цветами и ставит на комод и тумбу. А Эль вкладывает мне в руки лавандовые бутоньерки.

- Хм, — вдыхаю терпкий аромат и раскладываю небольшие бутоньерки на подушки, в шкаф и на кресле.

Пусть всё пропитается этим запахом.

— Не хватает мебели, — бормочу себе под нос, осматривая комнату. В углу стоит кровать с продавленным матрасом, у окна — стол с отколотой ножкой, на котором ещё недавно лежали мешки с горохом.

— Позовите господина Бонье! — приказываю эльфискулям.

Столяр с вечера работает в лечебнице вместе с сыновьями.

Эльфискули исчезают. А уже через пять минут старая

лестница скрипит под тяжёлыми шагами грузного столяра и его парней.

Они приносят молоток и гвозди, спорят, кто будет держать, кто забивать, пока на них не прикрикивает отец.

Через полчаса стол стоит, пусть и криво, зато уже не шатается так сильно, как раньше.

А господин Бонье с сыновьями уже вытаскивают на двор промятый матрас, вытряхивая прямо на землю прелую труху и набивают его соломой.

- Но как же? — морщится Грета. - Так нельзя! Он граф!

- Лучше так, — качаю головой, — чем на прелой вонючей трухе.

Она сокрушённо кивает и уходит назад заниматься палатами и пациентами.

Сегодня у них банный день не по расписанию.

- Готово, мадемуазель Штраус, — стягивая с головы шапку и сминая её, говорит столяр. - Что смогли на скорую руку, мы с парнями починили, а остальное...

Он разводит руками, как бы говоря, что по “оплате” и работа. Но я безумно благодарна ему за эту помощь. А как появятся деньги закажу более тщательный ремонт, а может, и вообще сменю мебель.

- Спасибо вам, господин Бонье, — протягиваю руку и жму его грубую мозолистую ладонь.

- Ну что вы, мисс, — он отчаянно краснеет.

- Вы очень, очень, очень нам помогли! И ваши парни! —

улыбаюсь его сыновьям. А они смущённо отводят взгляд.

- Ну здрасте, мисс, — раздаётся рядом со мной злобное шипение.

Я вздрагиваю и выпускаю ладонь столяра.

Во двор лечебницы шагов заходит дряхлая кляча, впряжённая в простую повозку.

Правит ей прачка Бонье — розовощёкая деревенская женщина.

И судя по выражению её лица, ей совсем не нравится моя благодарность её мужу и сыновьям.

Но я ведь не имела ничего такого в виду!

- Здравствуйте, — улыбаюсь ей приветливо.

Но в ответ получаю недовольное хмыканье.

- Забирайте свои тряпки, — она спихивает ногой с телеги огромный куль прямо на землю.

он несколько раз переворачивается в полёте и приземляется прямо в мягкую пыль.

От неожиданности и обиды я часто и удивлённо моргаю, открываю рот и там и замираю.

- Не стоит благодарности, мисс, — цедит она ядовито, а сама прожигает яростным взглядом мужа и сыновей. - Домой, живо!

- Но, Жанна, — лепечет столяр.

- Живо, я сказала! Заказы за неделю не деланы. А вы здесь отдыхаете! — рывкает она и снова косится на меня.

Большими красными ладонями она подхватывает вожжи

и трогает лошадь, обдавая наше бельё ещё и пылью от колёс.

Столяр быстро извиняется, запрыгивает на свою повозку и торопиться нагнать жену.

- Бельё она вам стирать больше не будет, — раздаётся рядом со мной трескучий старческий голос.

- Простите? — я оборачиваюсь и вижу рядом с собой сухонького старичка, набивающего до отказа табаком трубку.

- Я говорю, склочная баба - моя невестка. Раз вбила себе что-то в башку — не выбить.

- Ваша невестка? — моргаю удивлённо, краем глаза наблюдая, как эльфискули собираются вокруг тюка. - Вы... господин Бонье?

- Старший, — довольно крикает он и прикуривает трубку. - А Жанна вам больше не помощница. Раз решила, что вы на Энтони глаз положили. Вот глупая баба...

Он говорит что-то ещё и уходит. А я вместе с эльфискулями пытаюсь оттащить тюк к крыльцу.

По пути он развязывается, и в дорожную пыль высыпается тёмно-серое бельё.

Что это?

Я поднимаю наволочку и чуть не плачу от досады.

Что это такое? Как?

Бельё не белое. Пускай оно и чистое. Но выглядит так, словно его постирали в машинке вместе с чёрным.

И это провал!

Как мы сможем постелить ТАКОЕ бельё нашим постояль-

цам? И графу!

Я чувствую, как внутри меня всё сжимается от напряжения и боли.

Да что же это такое?

почему сколько я не пытаюсь, постоянно налетаю на какую-то стену?

Ну когда всё уже закончится?

- Мадемуазель Аделина! — зовёт меня Грета из окна второго этажа.

Из того самого, что в покоях графа.

Тяжело вздыхаю, подбираю юбки и бросаюсь на её зов.

Но пока я преодолеваю длинный, вычищенный до блеска коридор, поднимаюсь по лестнице с обновлёнными ступенями и прохожу по иллюзорно вычищенному коридору, у меня немного отлегает от сердца.

И когда я распахиваю дверь в комнаты графа, то выдыхаю с восхищением.

Комнату не узнать.

Ковры радуют глаз красками, в углу стоит добротная дубовая кровать с пышным матрасом. Подушки уложены горкой, как в моём детстве делала бабушка.

И между ними проложены лавандовые веточки.

На столе у окна лежит вышитая салфетка, которую я тайком сняла с окна в своей спальне — белая, с голубыми нитями, немного выцветшая, но всё равно красивая.

На старом скрипучем кресле у камина — единственное

чистое одеяло, украшенное ночными фиалками, источающими дивный аромат.

Эльфискули собрали их на опушке и аккуратно вплели в оборку.

Аккуратной горкой у камина лежат сухие дрова.

На деревянном комодe — резная глиняная миска с румяными яблоками, которые растут в заросшем саду на заднем дворе.

Грета довольно щурится и пожимает мою руку.

- Вы хорошо потрудились, мисс Аделина, — кивает она.

Вдвоём мы спускаемся на кухню и удивляемся мастерству Марты.

Меню ужина простое, но, что называется, со вкусом:

Суп из лесных грибов с травами — наваристый, ароматный, в котором плавают кусочки моркови и лука.

Пирог с яблоками и лесными ягодами — Марта постаралась, тесто тонкое, начинка сочная и чуть кислая.

Шанежки с картофелем и травами.

Баклажанная икра в круглой мисочке.

И конечно, чай из мяты — подадим в глиняных кружках, потому что фарфор разбился ещё при графине и новых купить негде.

— Хоть бы не придирались к еде, — шёпотом говорит Марта, вытирая пот со лба и поправляя сползший платок.

Киваю ей, а сама думаю, как бы стянуть шанежку с противня, чтобы никто не видел, и вгрызться в неё зубами.

Я с самого утра ничего не ела.

Но моим планам не суждено сбыться.

Арнольд вбегает в кухню, тяжело дыша:

– Едут! — глаза у него огромные, голос звенит от волнения.

Мы с Мартой и Гретой выходим на крыльцо.

Прижимаю ладони к груди, сердце колотится так, будто вот-вот выпрыгнет.

По широкой подъездной аллее к нам неспешно и величественно подъезжает карета графа Стрэйда — чёрная, лакированная, с гербом на дверце и запряжённая четвёркой вороных.

Всё вокруг будто замирает — ветер утихает, птицы умолкают, даже эльфискули жмутся в проходе, выглядывая наружу из-за наших спин.

Я стою на ступеньках, вглядываясь в тёмный высокий силуэт, что выпрыгивает из кареты.

И чем больше я на него смотрю, тем тревожнее и отчаяннее бьётся моё сердце.

Нет, только не он!

Прошу, боги, пусть не этот наглец окажется графом Стрэйдом.

Но стоит ему рассмотреть меня, как тёмный взгляд вспыхивает узнаванием и жадой мести.

Капец, я попала!

Глава 18

Конечно, мои надежды не оправдываются.

Чем ближе подходит граф, тем очевиднее становится: именно ему я нагубила в деревне.

Молодец, Аня! Просто, умничка! Так вляпываться на ровном месте — это настоящий талант. И я им, увы, обладаю.

Я невольно сглатываю воздух от напряжения, глядя, как к нам неспешно, с ленивой грацией хищника, приближается граф.

Высокий, хищный, в чёрном бархатном камзоле, облегающем мощные плечи. Его волосы — вороново крыло, безупречно гладкие в низком хвосте, не единого выбившегося локона.

На лице — холодная, отточенная невозмутимость, и только губы подрагивают в едва заметной, опасной усмешке. И глаза. Ледяные, тёмно-синие, бездонные, как зимний омут. Они мгновенно находят меня во дворе, пригвождают к месту, будто я очередное дело, требующее разбирательства.

На миг мне кажется, что во дворе становится тише, воздух сгущается, эльфискули нервно шарахаются в тень, а Марта и вовсе замирает у крыльца с подносом, на котором дрожит фарфоровая чашка.

Граф идёт, не спеша, но в каждом его шаге чувствуется уверенность человека, привыкшего видеть, как перед ним

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.